

ОЛЬГА ЛИ

АЛЬШИВАЯ
ИСТИННАЯ
СКАНДАЛЬНАЯ ЛЕКАРКА ДРАКОНА

Ольга Ли

Фальшивая истинная.

Скандалная лекарка дракона

<https://litres.ru/74458918>

Аннотация

♥#ОГНЕННАЯ НОВИНКА

Меня зовут Женя, мне тридцать пять, и я врач. Точнее, была врачом... Теперь я ведьма Илана, молодая жена генерал-дракона, которую вот-вот казнят за подделку истинности.

Новый муж опасен и жаждет моей смерти. Только я, Женя, ничего не делала и к тому же, наконец-то, беременна.

Вокруг война, интриги, угроза казни и предательство семьи... Но я не сдамся на волю новой судьбы.

Только что будет со мной и моим ребёнком потом? И почему дракон, поклявшийся меня уничтожить, смотрит так, будто хочет не моей смерти, а... меня?

— Рамон, — говорю как можно спокойнее, хотя внутри всё дрожит, — я не та, за кого вы меня принимаете!

Он смеётся. Коротко, зло, без тени веселья.

— Это я уже понял, когда утром метка истинности исчезла с твоего плеча. Что, забыла принять приворотное зелье? Проспала?

— Н-нет... Послушайте, я.. ничего...

— Милая, юлить не надо, это не поможет! — глаза красавца Рамона снова становятся золотыми и змеиными. — Я прекрасно знаю, кто ты и что сделала. Городская стража сейчас сопроводит тебя в тюрьму, где ты посидишь с отребьями, а потом будут суд и виселица.

— Виселица?.. — чувствую, как от ужаса холодеют руки.

«Видно, ненадолго я вселилась в тело этой Иланы...»

— Если повезёт, — он усмехается, и от этой усмешки становится так страшно, что зубы начинают отбивать мелкую дробь. — Я буду настаивать на четвертовании.

Однотомник, самостоятельная история.

Вас ждут:

♥#Сильная попаданка

Властный дракон

Предательство и тайны

Противостояние характеров

Истинная пара

♥#От ненависти до любви

Тайный ребёнок

Встреча через время

Бывшие

Книга участвует в литмобе Фальшивая истинная для дракона

Все книги моба здесь:

Содержание

Глава 1. Любовница моего мужа	5
Глава 2. Ответишь за всё	13
Глава 3. Кем она была	22
Наши герои!	46
Глава 4. Тюрьма	51
Глава 5. Не родная	65
Глава 6. Северный эшелон	78
Глава 7. Со дна	93
Глава 8. Разбитые надежды	105
Глава 9. Война началась раньше	118
Глава 10. Лекарка в лазарете	132
Глава 11. Умереть, чтобы жить	145
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Глава 1. Любовница моего мужа

Женя

— Я беременна от вашего мужа! — надутые филлерами губы загорелой блондинки едва шевелятся.

— Что, простите? — поправляю очки, вглядываюсь в лицо девицы, перегородившей мне дорогу.

— Беременна я... от Игоря! — особа, подловившая меня на выходе из торгового центра и представившаяся Викой, произносит это так, будто я умственно отсталая, а не заведующая отделением экстренной помощи в больнице. — Я знаю, вы Женя, его жена, и не делайте вид, что не понимаете, кто я. Игорёк ведь говорил вам обо мне две недели назад, когда вы отказались разводиться.

— Вот как... — фирменный пакет с рубашками — новогодними подарками для мужа, выскальзывает из рук и падает в снег.

Голубая и белая — классика, всё как он любит. Любит ли? Знаю ли я, что он там ещё любит? Вот неведомая мне прежде Вика сейчас стоит прямо напротив и каждым словом рушит мой мир и представление о собственном муже после пятнадцати лет брака.

Игорь, кстати, ни о какой Вике со мной не говорил, да и о разводе речи нет: у нас всё прекрасно... Или я думала, что

прекрасно, а он — нет? Может, это какая-то ошибка и она, как в каком-то ситкоме, перепутала меня с другой Женей, у которой муж с тем же именем?

— Мы уже давно вместе, Игорь любит меня, и у нас будет ребёнок, — она переступает с ноги на ногу. — Я ему о беременности пока не говорила, не хочу давить, подумала... что, как женщина, вы поймёте. Ведь это у вас, а не у него не может быть детей, если любите — уйдите сами, дайте Игорёше шанс на счастье в полной семье...

«Филлеров всё же слишком много, рот у тебя едва шевелится...» — хочу сказать ей, но вместо этого молча подбираю пакет.

Декабрьский снег падает мягко и неторопливо, укутывая московские улицы в праздничную вату, пока моё сердце разбивается на тысячи осколков.

— Я прошу вас, — голубые глаза сверлят меня из-под ресниц-опахал, а наманикюренные тонкие пальцы нервно запахивают короткую норковую шубу на пока ещё плоском животе якобы беременной, — дайте развод, освободите квартиру, уверена он купит вам что-то приличное, достойное. Не судите строго за наше счастье, за любовь... — Вика снова давит на большое, понижает голос и вкрадчиво добавляет: — Да и потом, Игорю нужна здоровая жена, которая родит ему ребёнка, а может, и не одного...

Снежинка падает мне на нос и тает: «Нет, судя по всему, я правильная Женя... просто муж у меня весьма изобрета-

тельный предатель...»

Смотрю на эту Вику с кукольным личиком и глубоко вздыхаю, чувствую боль и... усталость... Бесконечную, тягучую усталость от этого брака, от всех уговоров и договоров с самой собой, которых за пятнадцать лет было немало. Ведь я всегда хотела детей, но только через пять лет после свадьбы Игорь удосужился мне сказать, что переболел паротитом с серьёзными осложнениями. В двадцать пять это оказалось громом среди ясного неба — любимый и единственный мужчина, пять лет брака, два года встречались и тут такое. Конечно, я не опустила руки, потащила мужа по врачам, по светилам, профессорам...

О, как много было этих врачей, и как мало толка, потому что в итоге каждый цикл я тихо плакала в подушку, оттого что долгожданной беременности всё нет, я же даже имя для дочери придумала, Маша. Так и страдала, пока не уговорила мужа согласиться на ЭКО, которое, кстати, запланировано через два месяца.

А теперь вот двадцатилетняя Вика говорит, что беременна от моего мужа. Уверена, что она нагло врёт и никакой беременности нет, ведь врачи до сих пор не дают шанс на естественное зачатие, или... ей невероятно повезло и эти самые возможные две десятых процента выпали именно ей. Ну, или, что вероятнее всего, отец ребёнка не Игорь...

«Но это уже не моя проблема!» — наклоняюсь и поднимая пакет, на автопилоте отряхиваю снег.

— Поздравляю, — говорю ровным голосом. — Удачных родов, счастья и здоровья. Уверена, Игорь обрадуется, он ведь так любит сюрпризы. А квартиру, загородный дом и дачу придётся делить, я не собираюсь отдавать ничего из того, что заработала.

Загорелая нимфа покрывается уродливыми красными пятнами, пытается открыть силиконовый рот, чтобы что-то сказать, но я не даю ей такого шанса. В перепалку вступать не хочу, как и объяснять, что её враньё вскрыется и она останется ни с чем — пусть проживёт этот опыт. Сейчас я просто хочу побыть одна, не опускаясь до споров, скандалов и объяснений... Хватит и новости об измене любимого мужа, после которой ощущаю себя оплётанной и преданной.

Быстро ухожу прочь, оставляя Вику с её филлерами, планами на моё имущество и беременностью посреди заснеженного тротуара.

Снег скрипит под каблуками, пакет с рубашками в руке шелестит, а я всё думаю: «Вот так, значит, и заканчиваются пятнадцать лет брака. Не криком и битьём посуды, не слезами и взаимными обвинениями, а тихим «поздравляю» и пакетом рубашек, которые теперь некому дарить. Точнее, есть кому, но уже не хочется...»

Сдерживаю всхлип и пытаюсь не разреветься посреди людного места в лучших традициях героинь из мыльных опер.

«Хорошо, что это произошло сейчас, пока я могу забере-

менеть и родить сама. Мне тридцать пять, с гормонами всё в порядке, организм работает, как часы, хоть эти часы и тикают неумолимо... — вспоминаю бесконечные монологи матери о моих биологических часиках и нежелании благоверного размножаться. — Ничего, всё ещё будет... Карьера и деньги есть, я врач, кандидат наук, заведующая отделением. У меня квартира, машина, работа, которую люблю всем сердцем... Я здорова. Я всё могу... — утешаю себя, чувствуя, как к горлу подступают слёзы. — Ну а что, миллионы женщин рожают без мужа, и я смогу. Забеременею и рожу!»

Я всегда хотела, хоть Игорь всё откладывал: «давай после повышения», «давай когда ремонт закончим», «давай не сейчас, съездим отдохнём», «Жень, с бизнесом проблемы...», «Я не готов в моменте».

Горько усмехаюсь: «Ты никогда не будешь готов к семье и детям, жаль, что у меня ушло пятнадцать лет, чтобы понять: этот поезд никуда не едет. Спасибо, Вика, ты появилась вовремя и я сойду».

Чувствую, что слёзы не сдержать, несмотря на самообладание, подступает истерика. Сворачиваю в тихий переулок, подальше от людей, прохожу несколько метров и всё-таки реву, прямо под тусклым кованым фонарём. Слёзы застилают глаза, и я, кажется, рыдаю в голос, уткнувшись в тот самый пакет с рубашками, пока по соседней улице едут машины, гудят моторы и ярко светят фонари и новогодние гирлянды.

«Новый год... В этот Новый год и Рождество я буду од-

на! Но тем лучше, оставлю предателя в прошлом. Катись к своей Вике... Игорёк!» — передёргивает, когда вспоминаю неуместное для сорокалетнего мужика прозвище.

Вдруг звук машин становится громче, как будто кто-то свернул в тихий переулок, где я хотела спокойно прорыдаться. «Слава богу, я стою спиной к машине и моего зарёванного лица не видно... Завотделением называется...» — шум мотора приближается и... что-то сверкающее врежется в меня со всей дури. Боль заполняет собой весь мир...

Я вскрикиваю, падаю и встаю на волне адреналина... Чтобы, словно в замедленной съёмке, увидеть, как машина отъезжает назад, снова разгоняется... и ударяет по мне, как огромный безжалостный таран.

С противным хрустом отлетаю в сторону и приземляюсь, чувствую что-то солоноватое во рту. Тусклого света фонаря достаточно, чтобы я, вытерев рот, поняла: это кровь. Снежинки кружатся вокруг, фары серебристой машины светят холодным синим откуда-то сбоку, над головой серое московское небо.

Дверь машины открывается, я вижу стройные женские ноги в белых сапожках и тонких капроновых колготках.

«Цок-цок-цок», — та, что намеренно сбила меня, подходит ближе, стуча каблуками по асфальту.

Надо мной склоняется уже знакомое лицо: ресницы-опала, утиные губы, подбородок-утюг, обрамлённый пышным воротником норковой шубки.

Вика смотрит на меня молча, без выражения, будто на раздавленного жука, который больше не будет мешать.

«А, — думаю с каким-то отстранённым спокойствием, — так вот ты такая. Понятно... Повезло Игорю...»

Она не зовёт на помощь, не достаёт телефон, чтобы позвонить в скорую, да и зачем, если сама специально сбила меня несколько раз подряд?

«Уже не разведусь, — мелькает в угасающем сознании. — Не рожу... не заведу большую семью... Тик-так, тик-так... вот и вышло моё время — дотикались часики...»

И я, Евгения Чернова тридцатипяти лет, кандидат медицинских наук, заведующая отделением, коренная москвичка, почти-бывшая-жена и несостоявшаяся мать, закрываю глаза.

А когда открываю их, то вздрагиваю от яркого солнечного света и злости в мужском голосе:

— Ты врала мне всё это время! Может, и беременность твоя фальшивая? Такая же как твоя истинность? Поганое ты отродье ведьмы! — гневно выкрикивает полуголый черно-волосый аполлон, пока пытаюсь встать с пола, ощущая боль в виске, и не понимаю, как оказалась в средневековой комнате с мебелью из красного дерева и разъярённым красавцем с прессом, как стиральная доска.

Кое-как встаю и вскрикиваю, потому что прямо напротив меня в огромном зеркале с золотой рамой с пола поднимается стройная светловолосая красotka в полупрозрачном пе-

ньюаре.

«Твою мать! Почему она делает те же движения, что и я?»
— замираю и поднимаю руку.

То же самое делает и эффектная блондинка в отражении.
— Илана, не надо пытаться соблазнить меня или применить колдовство, — подходит ко мне аполлон и больно хватает за запястье. — Это не сработает, я — дракон, а ты... ты ответишь за подделку истинности! Моли своих сучьих ведьминских богов, чтобы твоя казнь была быстрой!

— Дракон? Ведьма? Какая казнь? За что? — пытаюсь выдернуть руку из стального захвата неуравновешенного красавчика с явным психическим расстройством: ну какой дракон!

Глаза его тотчас вспыхивают золотом, а зрачки становятся вертикальными, как у змеи.

— Не притворяйся, будто тебе отшибло память, дорогая жена!

«Твою мать! Что происходит?» — чувствую, как мелко дрожат колени.

Глава 2. Ответишь за всё

Женя

Глаза мужчины снова становятся нормальными, человеческими, светло-серого цвета, но с золотыми искрами. И глаза эти смотрят на меня разочарованно и зло, как на врага, которого нужно уничтожить.

— Милая жёнушка, грязное ведьмино отродье Илана! — он произносит это имя так, будто выплёвывает что-то ядовитое. — Если ты решила притвориться, что ничего не помнишь, то я освежу тебе память, пока сюда идёт стража.

«Стража? Какая ещё стража?»

Разворачиваюсь, пытаюсь скрыться подальше от этого сгустка гнева, но он хватает меня за плечо и поворачивает к себе:

— Смотрю, ты не очень хочешь вернуть память? Но я всё же помогу: я — твой муж, третий генерал-дракон Рамон Делейни. Мы с тобой поженились неделю назад, потому что ты — моя истинная...

«Рамон Делейни...» — что-то шевелится в памяти, как бывает, когда стараешься и не можешь вспомнить нужное и важное.

— ...конечно же до этого мы сношались, как кролики, так ведь и бывает у истинных, — он произносит это слово с из-

дёвкой, — и ты — о чудо! — забеременела!

Каждое слово бьёт, как пощёчина. «Муж? Дракон? Беременна? Я что, беременна от него?! Так в чём беда: твоя жена беременна, нужно радоваться...» — решительно ничего не понимаю, лучше пока послушаю.

— Я, как недоумок, повёлся, — продолжает он, и в его голосе столько яда, что хватило бы отравить небольшой город. — Поверил ведьме. Поверил, что моё проклятье уйдёт, когда ты подаришь мне наследника. Сыграл такую свадьбу, что весь Антас говорил только о ней, сам Император почтил нас своим присутствием, произнёс речь и подарил свадебный подарок!

— Император? Антас?.. — в шоке от услышанного я начинаю бормотать, мой голос звучит тихо, почти шёпотом.

Тот, кто назвался моим мужем, качает головой, всем своим видом показывая, что ничего, кроме презрения, ко мне не испытывает.

— Я не помню ничего из этого: ни свадьбы, ни Императора, ни... секса, как у кроликов...

— Не поверю, не так уж сильно ты ударилась головой, когда трусливо пыталась сбежать из нашей спальни, милая жена, — он кривит красивые губы в усмешке.

«Вот откуда боль в виске, — доходит до меня. — Эта Илана пыталась сбежать и упала... Или её толкнули? И именно в этот момент я... что? Вселилась в неё? Заняла её тело? А она тогда где?

Господи, я схожу с ума, если на серьёзных щах рассуждаю о том, что попала в чьё-то тело. Это просто сон, надо проснуться!»

— Рамон, — говорю как можно спокойнее, хотя внутри всё дрожит, — я не та, за кого вы меня принимаете!

Он смеётся. Коротко, зло, без тени веселья.

— Это я уже понял, когда утром метка истинности исчезла с твоего плеча. Что, забыла принять приворотное зелье? Проспала?

— Н-нет... Послушайте, я.. ничего...

— Милая, юлить не надо, это не поможет! — глаза красавца Рамона снова становятся золотыми и змеиными. — Я прекрасно знаю, кто ты и что сделала. Городская стража сейчас сопроводит тебя в тюрьму, где ты посидишь с отребьями, а потом будут суд и виселица.

— Виселица?.. — чувствую, как от ужаса холодеют руки. «Видно, ненадолго я вселилась в тело этой Иланы...»

— Если повезёт, — он усмехается, и от этой усмешки становится так страшно, что зубы начинают отбивать мелкую дробь. — Я буду настаивать на четвертовании. Потому что ты явно прибегла к запрещённым тёмным чарам и подделала метку истинности, чтобы выйти за меня замуж. А вот зачем ты это сделала... — он наклоняется ко мне, и его глаза снова вспыхивают золотом, — это я узнаю.

То, каким тоном он это произносит, мне совсем не нравится. В этом «узнаю» слышатся пытки, допросы и мно-

го-много боли.

Колени дрожат, зубы выбивают чечётку, пока я стою напротив самого дьявола и пытаюсь сообразить, как выпутаться, но голова пустая, как барабан. Меня, точнее, эту Илану, собираются казнить за что-то, чего я лично не делала.

«Что он там говорит: подделала какую-то метку истинности? Ну дайте срок, казнить-то зачем... Ещё чары какие-то. Твою мать, почему надо было попадать в тело какой-то девки, которая успела накосорезить? Это же сделала не я, а она... Отличное начало новой жизни, нечего сказать!»

Глаза напротив снова вспыхивают золотом, и я всеми клетками своего нового тела чувствую, что Рамон в своей злости на волоске от того, чтобы придушить меня собственными накачанными ручищами.

С грохотом распахиваются двери. Входят двое стражников в кожаных доспехах с металлическими вставками, на поясах — короткие мечи, на ногах — средневековые сапожищи до колена. Лица грубые, равнодушные, не омрачённые печатью интеллекта, не из интеллигенции, судя по всему.

— В открытый воз её! — командует Рамон, даже не глядя в мою сторону. — Везите через весь город, на потеху толпе, пусть гордецы из семьи Вален познают, что такое позор и унижение!

«Вален... — откуда-то внутри крепнет убеждение, что это фамилия Иланы. — То есть, теперь моя новая, а точнее, бывшая, девичья фамилия? А в этом мире жена тоже берёт фа-

милию мужа?»

Вопросов всё больше, голова идёт кругом, и кажется, от нервов сейчас начнёт дёргаться нижнее веко у правого глаза, как бывает всегда, когда я на взводе.

Стражники оглядывают меня, задерживают взгляд на полупрозрачном молочном пеньюаре, особенно в области груди, ухмыляются, сально и мерзко, прежде чем грубо схватить за руки. Холодные жёсткие пальцы так и впиваются в кожу, становится понятно окончательно: церемониться со мной никто не собирается.

— Подождите! — пытаюсь вырваться. Но куда там, они держат крепко. — Дайте мне хоть что-то накинуть! Не могу же я ехать по городу почти голая...

Слышу усмешку Рамона, оглядываюсь. Он стоит, скрестив руки, и смотрит на меня с холодной улыбкой, полной нескрываемого удовлетворения.

— Не заслужила, — роняет он. — Это только начало твоего позора, дальше будет больше. За то, что ты сделала, и этого мало.

Меня выволакивают из комнаты, босые ноги сначала утпают в мягком ворсе ковров, а затем уже шлёпают по холодному каменному полу. Отражение мелькает в чёрной плитке на лестнице, по которой меня тащат. Как я и думала, полупрозрачный пеньюар с разрезами по бокам развеивается, не скрывая практически ничего. По пути своего позорного выдворения из роскошного дома успеваю заметить убранство,

из которого меня изгоняют: gobелены, картины, резная мебель, огромные окна с цветными витражами — классический богатый средневековый дом. И не просто богатый, а очень богатый.

«Это тебе не трёшка в любимом стиле Игоря — лофт с видом на тихий двор, нет, это настоящий средневековый люкс власть имущего. Как он там сказал — третий генерал-дракон? Очевидно, деньги и связи есть, такой найдёт способ, как достать даже из-под земли», — зажмуриваюсь от яркого солнечного света, когда пожилой мужчина в чёрной ливрее распахивает дверь. С укоризненным лицом он качает головой, глядя на меня, как на грязь, пока два амбала с дурным запахом нечищенных зубов выводят меня на улицу.

На улице этой, кстати, совсем не декабрь, оно и к лучшему, в этом пеньюаре я бы отморозила всё, что можно на московском зимнем ветру... На деревьях — листья, на земле — трава и где-то сверху пичуга выводит такую трель, что заслушаешься. Пока я оторопело оглядываюсь, стражники пользуются моментом, чтобы запихнуть меня в повозку без лишнего сопротивления.

Повозка эта, конечно... не фигуральное выражение, а самая настоящая колымага, запряжённая лошадьми. Открытый воз с железными решётками, а по сути — клетка на колёсах.

Тарантас трогается с места весьма чувствительно, и чтобы не упасть, я тут же вцепляюсь в решётку и сажусь на де-

ревянную лавку прибитую к полу. Можно было бы пристегнуться — пристегнулась бы.

Повозка едет по улицам, нещадно трясясь, а ко мне приходит окончательное понимание, что я не в Москве, не в России и точно не в своём времени. После золотисто-змеиных глаз «благочестивого» я в это вполне могу поверить.

Во все глаза смотрю на странные, чужие улицы, мощённые брусчаткой: каменные дома в несколько этажей — что-то среднее между викторианской Англией и средневековой Европой, ухоженные газоны перед фасадами, кованые ограды, где-то вдалеке высятся шпили башен.

Можно было бы даже насладиться красивыми видами в этом внезапном путешествии, если бы я не сидела в клетке в одном пеньюаре... ну и не ехала в местную тюрьму ждать суда и казни. Почему-то при виде средневекового облика города в возможную казнь и даже четвертование очень даже верится, а воображение так и подкидывает картинки возможных пыток. Вздрагиваю и пытаюсь отвлечься, проанализировать всё, что вижу.

Судя по всему, в этом Антасе раннее утро: прохожих на улицах мало, в основном — торговцы у лотков, что поворачивают головы, разинув рты. Вон толстый усатый мужчина с тростью в руке присвистывает, женщина с корзиной яиц застывает посреди дороги, мальчишка тычет в меня пальцем и что-то кричит.

Чувствую, как щёки заливают краска. Я — заведующая

отделением, кандидат наук, уважаемый человек — сижу в клетке на потеху толпе в полупрозрачном белье, как какая-то... блудница!

Краснолицый пьяница, покачиваясь, выходит из-за угла, заведя меня, расплывается в щербатой улыбке.

— Эй, красотка! — орёт громко, протяжно. — Дракон тебя так заездил, что теперь на отдых везут?

В ответ на незамысловатую шутку раздаётся смех, кто-то свистит, откуда-то сбоку в повозку летит огрызок яблока.

Забиваюсь в угол, отворачиваюсь и в отчаянной попытке проснуться начинаю щипать себя за руки, но ничего, кроме боли и красных пятен на них, не случается. Вдыхаю и закрываю глаза: «Что происходит? Неужели это не сон? Неужели я... переродилась? Умерла на московской мостовой под колёсами сумасшедшей любовницы мужа — и очнулась здесь, в теле некой Иланы, которую везут на суд и казнь?!»

Из огня да в полымя, как говорится.

Пытаюсь сосредоточиться, осмыслить всё и придумать какой-то выход. Я врач, привыкла работать в стрессовых условиях, принимать решения, когда вокруг кровь и паника. Надо собраться, понять, что происходит и выжить.

Для начала: что я знаю?

Меня зовут Илана Вален. Судя по всему, я — ведьма, как бы дико это не звучало. Вышла замуж за генерал-дракона Рамона Делейни неделю назад. Он думал, что я его «истинная» — что бы это ни значило, а сегодня утром выяснилось,

что я подделала какую-то метку. И теперь меня везут на суд и казнь.

«Негусто, Женя, давай вспоминай! Должны же тебе достаться от этой Иланы какие-то воспоминания?»

Воз подпрыгивает на ухабе, и я чувствительно ударяюсь о решётку.

И в этот момент меня накрывает: чужие воспоминания обрушиваются лавиной, болезненно, ярко, словно кто-то вколол их прямо в мозг, не позаботившись прежде обезболить пациента... то есть, меня.

Мои дорогие!

С большим теплом приветствую вас на страницах драконьего романа, который я пишу в рамках очешуенного драконьего моба **ФАЛЬШИВАЯ ИСТИННАЯ ДЛЯ ДРАКОНА**

Все истории здесь: <https://litnet.com/shrt/Zqwi>

Глава 3. Кем она была

Женя

Яркая вспышка, и я вижу себя... нет, не себя, Илану в отражении витрины дорогого магазина в мощёном белым камнем центре Антаса. «Не магазин, а лавка, здесь это называется лавка», — подсказывает что-то новое внутри меня.

Девушка в светло-розовом длинном платье, нежном, невинном, с кружевной отделкой на рукавах, светлыми волосами уложенными в замысловатую причёску и открывающими тонкую лебяжью шею, стоит с высокой статной женщиной, темноволосой и красивой. «Мать, — подсказывает память, — Эстер Вален».

Она красива, но другой красотой — холёной зрелой женщины, а ещё у неё жёсткое выражение лица, губы слегка поджаты, а внимательные карие глаза, чуть прищурившись, смотрят на дальний конец улицы, где из кареты выходит черноволосый мужчина. Даже со спины узнаю эту фигуру в тёмно-синем сюртуке — широкие плечи, горделивая осанка и уверенная походка власть имущего, Рамона Делейни.

— Запомни, — голос Эстер тихий, но твёрдый, — у тебя будет всего один шанс, и его нельзя упустить. Всё надо сделать правильно.

Илана кивает, не отрывая взгляда от красавца. Что-то

ёкает в девичьем сердце при виде этого уверенного мужчины, какое-то затаённое волнение, предвкушение. Желание чего-то большего, нежели смотреть на него со стороны. Невольно вспоминаются рассказы подруг о тайных свиданиях с молодыми ведьмаками, объятия, поцелуи, более смелые ласки... Илана прикусывает губу. Она никогда не переступала черты и берегла невинность, ждала, когда полюбит по-настоящему, чтобы позволить мужчине коснуться себя.

— Вот он поехал к своей любовнице, — продолжает мать, и в её голосе слышится презрение. — Луиза сегодня больна, мы об этом позаботились. Служанка накапала ей в кушанье нужных капель, поэтому Рамон будет там недолго и выйдет от неё с полными яйцами.

Эстер неприятно усмехается, а я чувствую... нет, Илана чувствует, как румянец заливает щёки. Ей явно неловко от такой грубой, почти животной откровенности, и всё так не похоже на рассказы подруг.

— Потом он поедет в Драконий совет, — Эстер загибает пальцы, будто составляет список покупок, — после отправится развлекаться: сначала званный вечер, а там, может, в квартале удовольствий, девку себе на ночь искать станет, любовница-то его сегодня не удовлетворит, — она снова усмехается так, что Илана спешно опускает глаза, не в силах смотреть на мать, выдающую одну пошлость за другой. — Может, какую знатную леди подцепит — уж полстолицы в его постели перебывало.

Илана молчит. Я чувствую её — мою? — неловкость, смущение и... липкую гадливость. Какое-то седьмое чувство подсказывает ей: то, что скажет мать дальше, будет крайне неприятно.

И она не ошибается.

— Вот тут мы его на живца и возьмём, — заключает Эстер.

— Как? — голос Иланы тихий, она почти шепчет. — Мне что, придётся... как-то ублажать его?

— Не сразу, моя милая. До этого ещё надо дойти... Мы на тот же вечер пойдём, где Делейни будет. Думаешь, для чего платье новое тебе так спешно отшили? У отца твоего, несмотря на все наши беды, связи кое-какие остались, приглашение есть...

Мать поворачивается к дочери и берёт её за подбородок, заставляя смотреть себе в глаза.

— Столкнёшься с ним на вечере, якобы случайно, он на тебя сразу глаз положит: хорошенькая ты, свежая и в его вкусе. Ещё и любовница не развлечёт сегодня...

Илана смотрит в глаза матери, и ей кажется, что это какое-то чудовище, что кто-то взял да и подменил всегда улыбчивую, деликатную, добрую женщину.

— Генерал разговор с тобой заведёт, а ты смущайся, делай вид, что уйти хочешь, что неловко тебе с таким мужчиной важным говорить, да ещё без маменьки... Ты же девица ещё, только из пансиона благопристойного вернулась, впер-

вые в свет вышла, непривычно тебе разговоры со светскими господами разговаривать...

Эстер отпускает подбородок дочери и выглядывает из-за угла, взгляд Иланы устремляется к широкоплечему Рамону. Она видит, как тот поворачивает за угол в район с модными и дорогими домами, где живут в основном художники, писатели и другая творческая богема. Здесь дорого, но не так, как содержать большой дом с тучей obsługi и садовником. Илана хотела бы побывать в этом квартале, говорят, там есть красивая разрисованная стена, чуть ли не картины на камнях... Но всё недосуг: то учёба в отдалённом пансионе, то домашние дела, когда приезжает на каникулы раз в год, да и не с кем — все подруги у неё там, в пансионе. «В Антасе никого не осталось... — с грустью думает Илана. — Как мне здесь одиноко и люди злые... Вот в Вилантисе совсем по-другому... Поскорее бы вернуться...»

— Там я появлюсь, — прерывает её мысли мать. — Сделаю вид, что недовольна вашими шушуканьями. Заберу тебя, буду вести себя строго, а ты помалкивай да слушайся, как всегда.

— И всё? — Илана чувствует облегчение.

— И всё, — Эстер усмехается. — Завтра утром он с цветами на пороге стоять будет.

— Почему? Неужели ты думаешь, что генерал Делейни влюбится в меня так просто, увидев на званном вечере?

— Не просто, а очень даже мудрёно, потому что ты вы-

пьешь зелье одно и ему куда нужно капнут. Из-за него и придёт, и будет на цырлах бегать, лишь бы тебя увидеть, да голос твой услышать...

В груди Иланы что-то сжимается. Я чувствую её страх, холодный, липкий:

— К-какое зелье?

— Приворотное, — отрезает Эстер. — Неужели не поняла? Чему вас там в пансионе учили? Зельеварения не было, что ли?

— Мама, это же... — Илана отступает на шаг, — запрещено! Это тёмная магия, она карается!

— Это зелье особое, из Арраноса. Дракон такое не почует, не бойся!

— Маменька...

— Нам отца надо выручать! — Эстер обрывает её и резко разворачивается, карие глаза вспыхивают гневом. — Семью спасти! Коль у батюшки твоего мозгов нет, так хоть у нас с тобой должны быть!

Илана вздрагивает от непривычно сурового, осуждающего тона матери.

— А тебе надо за генерала замуж выйти, — продолжает Эстер уже тише, но от этого не менее жёстко, — в дом его проникнуть, женой полноправной стать, чтобы секреты имперские подслушивать и выведывать. Вот твоя задача.

— Мама... — голос Иланы дрожит. Она не хочет этого делать, я это чувствую всем телом — её телом. Но страх за

отца и долг перед семьёй превыше желаний девушки.

И всё же она делает попытку:

— Может, есть другой способ?

— Нет никакого другого способа! — отрезает Эстер. — Только такой. Станешь его истинной и выйдешь замуж, или твой отец отправится в могилу. А за ним следом и мы сгинем, сошлют нас в какую Дикую пустошь, и всё, поминай как звали. О сестре подумай... ей Богиня магии не дала, она там не выживет!

Мать утирает слёзы, поворачивается боком, выжидающе смотрит на узкую улочку в божественном квартале, где скрылся Рамон.

— С опасными людьми связался твой отец... Не надо было. Я уж много раз ему говорила: погубит тебя страсть к играм, ой погубит. Но как выпьет батюшка твой, так и нет на него удержу... Сама знаешь, — Эстер осекается, замолкает.

Илана знает, помнит прекрасно те годы, когда отец много пил, как она боялась его, как дома было напряжённо и тихо. Но потом всё прошло, мать ходила к какой-то сильной ведьме, давала отцу отвар, молилась богине, даже в паломничество ходила в Храм Драконьей матери, которая всем помогает. Неизвестно, что из этого помогло, но Лиам Вален поборол зелёного змия и снова стал главой семьи, и на девять лет в семье Вален воцарились мир и покой.

Илана позабыла, что такое страх и тревога, пока не пришло письмо от матери, после которого госпожа Селена ото-

звала её прямо с занятия, где способная девушка долго и упорно тренировалась правильно снимать порчу. Наставница показала письмо из дома, где мать просила отпустить юную госпожу Вален домой из-за хвори отца, и самолично посадила воспитанницу в дорожный экипаж с особыми дуранскими воронами. Ещё в пути у Иланы было тяжело на душе из-за мыслей об отце и предчувствия беды.

Эстер вздыхает и с горечью сетует:

— Кто бы знал, что сынок графский да маркиз с ним за одним столом окажутся? Он же думал, что с простыми людьми в кости играет. А то знать, в простолюдинов переодетая, развлекаться пошла... Так ни за что бы не стал спорить. А уж тем более доводить до драки и бить до смерти сына такого человека...

Она оборачивается к дочери, и лицо её — маска усталости и отчаяния.

— Да и кто, кто мог знать, что мальчишка этот... — она цокает и качает головой. — Теперь маркиз Фонтейн держит жизнь твоего отца да и наши в своих руках. И нигде, нигде не скрыться от бывшего шурина самого императора. И в Вилантисе нас из-под земли достанет, и в столице, и... где угодно. Все корабли в портах под его контролем, за морем тоже скрыться не сможем.

— Мама, но зачем маркизу военные секреты? Он же... вхож к императору.

— Откуда мне знать! Не моего ума дело! — мать удовле-

творённо улыбается. — Всё идёт как надо, вон пошёл генерал несолоно хлебавши от своей потаскухи.

Толчок... и воспоминание обрывается резко, будто кто-то выдернул вилку из розетки. Открываю глаза и глубоко вздыхаю, хватаясь за решётку повозки.

Теперь картина проясняется: отец Иланы — игрок и пьяница убил сына какого-то влиятельного графа. Теперь ему угрожает казнь, а семье — ссылка, потому что какой-то маркиз Фонтейн был свидетелем убийства и шантажирует отца. А мать решила использовать старшую дочь, как инструмент, — подсунуть её генерал-дракону, выдать замуж за него и сделать шпионкой.

Дело нечисто. Очень нечисто. И эту Илану, то есть теперь меня, действительно есть за что судить.

«Одно другого не лучше, — думаю я, глядя на остающиеся позади каменные дома. — В прошлой жизни меня убила якобы беременная любовница мужа, а теперь я попала в тело обманщицы и неудачливой шпионки и меня сто процентов казнят за преступления, которых я, Евгения Павловна Чернова, не совершала».

Воз сворачивает на широкую улицу, дома здесь пониже, крыши не такие яркие, квартал явно победнее. Народа здесь больше, и в мой адрес несётся такая пошлятина, что я даже рада решёткам в повозке: эти люди меня хотя бы не достанут. В глаза бросаются покалеченные и хромоногие: мужчины с грязной повязкой на руке, едва ковыляет черноволосый

парень, на деревянном ящике, перевёрнутом кверху дном, сидит одноглазый старик с багровым шрамом во всё лицо — все эти люди как будто недавно побывали на войне.

— Семьи всех, кто добровольно пойдёт на защиту северных земель, каждый месяц будут получать жалованье в десять золотых дублонов! — разоряется краснощёкая бабища в коричневом платье. — У кого долги в имперском банке — вам их простят! Сможете потом открыть новые кредиты!

Она продолжает вещать о прелестях службы на границе, но уже тише: повозка уезжает, подпрыгивая на каждом камне, и визгливый голос удаляется, а я вспоминаю, что страна ведёт затяжную войну с соседом — Арраносом. Дрожь прокатывается по всему телу, когда вспоминаю, что приворотное зелье, которое пила Илана, из Арраноса и какого рода информацию девушка должна была добывать для шантажиста-маркиза.

«Это самый настоящий военный шпионаж... От Иланы требовали информацию о дислокациях войск, о поставках провианта, о переброске эшелонов...» — всё больше хочется открыть глаза и оказаться в заснеженной Москве, подальше от чужих интриг и заговоров, пусть бы и на грани развода, но не с нависшей над головой угрозой смерти.

Потому что куда ни глянь — везде вязкое болото. С одной стороны, подделка истинности с помощью запрещённых тёмных чар, с другой — шпионаж. Ни в чём из этого я признаться не могу, это верная смерть. Семья, как подсказывает

чутье, ничем мне не поможет: все там думают только о себе, отец алкоголик и игрок, мать подложила старшую дочь под дракона, младшая сестра, Аурика, ещё дитя и вообще ничего не может.

Маркиз Фонтейн — ещё более опасен, дракон, контролирующий все корабли столицы, с лёгкостью выйдет из ситуации, в которой бывшая истинная генерал-дракона, ведьма, уличённая в тёмной магии, будет выглядеть просто грязной клеветницей. Ведьмы, а я ведьма, в здешнем обществе и так популярностью не пользуются.

«Чёрт! Куда ни погляди — везде смерть...»

Воз подпрыгивает на ухабе, и я прикусываю язык, а потом... потом снова вижу яркую картинку чужих воспоминаний.

Похоже, это тот же день, когда мать «обрадовала» дочь ценной миссией во имя спасения семьи. Илана уже в другом платье — небесно-голубом, с серебряной вышивкой по корсажу и пышной юбкой. Она сидит в тесной карете напротив матери, и Эстер протягивает дочери маленький пузырьёк с тёмно-красной жидкостью.

— Пей! — по тону понятно, что мать не потерпит возражений. Карие глаза смотрят пристально, не мигая, и Илане некуда отступить.

Пузырёк в руках холодный, стеклянный, с серебряной пробкой... такой маленький и безобидный на вид.

Илана откупоривает его и подносит к губам, с опаской де-

лает маленький глоток. Жидкость безвкусная и прохладная, похожа на обычную воду, и девушка выпивает всё. Прислушивается к ощущениям — никакого жжения, ничего странного или нового, кажется, что ничего не происходит.

«Может, это пустышка? Может, мать просто проверяет меня?» — теплится в ней надежда.

Но нет.

— Молодец, — Эстер удовлетворённо кивает и забирает пустой пузырёк. — Теперь слушай внимательно: зелье начнёт действовать, когда ты окажешься рядом с ним. Почувствуешь жар, притяжение — это нормально, главное — не пугаться и не терять голову.

Илана кивает, а внутри всё сжимается от страха, несмотря на то, что она приняла решение: сделает всё, чтобы спасти семью. Отец, мать и сестрёнка слишком ей дороги, ради них она готова на всё. Даже на это.

Карета останавливается, дверцу услужливо распахивает лакей в напудренном парике, и они выходят в сад богатого особняка.

От увиденного у Иланы перехватывает дыхание: повсюду горят золотистые магические сферы — предметы роскоши — мягко мерцают в вечерних сумерках, парят между деревьями, освещают аккуратно подстриженные кусты и мраморные статуи. Вышколенная прислуга снует с подносами, уставленными бокалами с шампанским и крошечными пирожными. Где-то играет небольшой оркестр — спокойная,

приятная мелодия, от которой хочется закрыть глаза и забыть обо всём.

«Но забывать нельзя...» — мысль жжёт похлеще раскалённого клейма.

Эстер берёт дочь под руку, и они вливаются в толпу гостей.

— Леди Монт, какая честь! Позвольте представить вам мою старшую дочь Илану. Только что вернулась из пансиона Вилантиса...

— Лорд Эшем, как я рада вас видеть! Да, да, это моя Илана. Как быстро выросла, не правда ли? Вот, пока отдыхает от учёбы, решила вывести её в свет...

Комплименты сыплются со всех сторон:

— Ах, какой бриллиант!

— Какая красота, какие роскошные светлые волосы!

— Госпожа Вален, вы скрывали от нас настоящее сокровище!

Илана улыбается, кивает, благодарит, как и должно воспитанной девице. Щёки горят от смущения, ведь она не привыкла к такому вниманию, в пансионе всё было проще, понятнее. Там не было никаких двойных игр, она была просто Илана, способная ученица, тихая девица, которая любит читать и гулять по лесу.

А здесь она, как товар на прилавке, того и гляди кто-нибудь зубы начнёт смотреть, как лошади. Десятки взглядов скользят по ней, заставляя её желать одного: скрыться куда

подальше от этого места и людей.

Проходит, кажется, целая вечность, прежде чем Эстер наклоняется к её уху:

— Вон наш генерал, у фонтана. Посмотри украдкой.

Илана смотрит... и сердце пропускает удар.

Рамон Делейни стоит напротив седовласого статного мужчины, держит бокал с чем-то янтарным и слушает собеседника с лёгкой улыбкой. Тёмно-синий сюртук подчёркивает ширину плеч, чёрные волосы чуть растрёпаны, будто он только что скакал на коне во весь опор, а потом спешился и оказался прямоком у фонтана в центре светского вечера.

«Он так красив. Даже красивее, чем казался издали», — думает она, и что-то тёплое разливается внутри.

— Сейчас я отойду в уборную, — говорит Эстер, — а ты иди и столкнись с ним, конечно же случайно. Я скоро приду на подмогу, а ты делай всё как должно и помни всё, чему я тебя учила.

Мать исчезает в толпе, и Илана остаётся одна.

Ноги будто сами несут её к фонтану. С каждым шагом в груди становится горячее, тепло сменяется жаром, и вот уже внутри полыхает огонь. Кажется, что кожу обжигает изнутри, что сердце вот-вот выскочит из груди.

«Зелье, — понимает она. — Это зелье начало действовать».

Но от понимания легче не становится.

Она подходит ближе и, оглянувшись в толпу, будто ко-

го-то ищет, неловко оступается на мраморной плитке. Бокал с шампанским в её руке опасно кренится, золотистые капли летят на тёмно-синий сюртук и...

И Рамон Делейни подхватывает её за талию, почти обнимает.

Илана поднимает глаза — и тонет, встретившись с ним взглядом.

Его глаза серые, с золотыми искрами, и в них что-то такое... что-то, от чего всё внутри переворачивается. Она чувствует жар его ладони сквозь тонкую ткань платья, чувствует его запах — что-то древесное, с нотками редких пряностей, цитруса и чего-то ещё, чему она не знает названия.

Ей хочется прижаться к нему, уткнуться лицом в его грудь и остаться в этих руках навсегда.

«Это зелье! — кричит разум. — Это всего лишь зелье!»

Но сердцу всё равно, оно уже пропало.

— Аккуратнее, — говорит он низким бархатным голосом, и Илану будто пронзает током.

Каждая клеточка её тела тянется к нему. Хочется коснуться его волос, провести пальцами по скуле, почувствовать его губы на своих...

«Играй роль! — приказывает она себе. — Ты должна играть роль! Семья, помни о них!»

С огромным, невозможным усилием она отстраняется. Изображает смущение, хотя на самом деле играть не приходится: смущение настоящее, до дрожи в коленях.

— П-простите, — лепечет она, опуская глаза. — Я так неловка... Простите, пожалуйста, ваш сюртук...

— Пустяки, — он всё ещё не отпускает её талию, и от этого прикосновения по спине бегут мурашки. — Кто вы, юная леди, как ваше имя?

В его голосе... интерес, и от этого интереса что-то тёмное, запретное вспыхивает внизу живота и ей хочется, чтобы он продолжал с ней говорить вот так. Тон Рамона слегка игривый и в то же время серьёзный. Илана чувствует на себе его взгляд, пристальный, изучающий. Ей даже кажется, что он не может оторвать от неё глаз.

— Илана, — выдыхает она. — Илана Вален.

— Илана, — Рамон произносит её имя так, будто пробует на вкус. — Красивое имя для красивой девушки.

Она краснеет ещё сильнее, если это вообще возможно, и пытается освободиться из кольца его рук.

— Спасибо, что не дали упасть, — она чувствует его нежелание отпускать её, но светские манеры берут верх и он галантно улыбается, продолжая пристально смотреть ей в лицо.

— Ах вот ты где! — голос матери звучит встревоженно и очень вовремя. Илана так волнуется, что боится, как бы не сказать чего лишнего или неуместного.

Эстер выныривает из толпы, подобрав длинные юбки, и лицо её — сама строгость:

— Нельзя тебя и на минуту оставить!

— Матушка, я нечаянно оступилась... — Илана чувствует, как щёки пылают, и от лжи, и от его взгляда, который всё ещё на ней. — И кажется, испортила сюртук господину... — она вопросительно смотрит на Рамона, хотя прекрасно знает, кто он.

— Лорд Рамон Делейни, — тот слегка склоняет голову. — Третий генерал-дракон.

Эстер приседает в реверансе и слегка неодобрительно поджимает губы:

— Да уж я знаю, кто такой господин Делейни, — качает головой. — Слышала, что многие женщины с вами... знакомы.

Рамон усмехается, но в глазах мелькает такой интерес, что сердце Иланы делает очередной скачок.

— Если моя девочка испортила ваш сюртук, пришлите нам счёт, — Эстер вынимает из бархатного мешочка лощёную карточку с адресом и протягивает генерал-дракону. — А теперь, с вашего позволения, мы откланяемся.

— Благодарю вас, — вежливо опускает голову Илана.

Мать берёт дочь под руку, крепко, почти до боли, и уводит прочь.

— Простите ещё раз, — Илана оборачивается на ходу, и их глаза снова встречаются.

Он смотрит на неё не отрываясь.

Они делают пару шагов, и мать начинает спектакль:

— Этот дракон — не лучшая компания для благопристой-

ной девицы, Илана, — голос Эстер достаточно громкий, чтобы Делейни мог слышать каждое слово. — Многие женщины пали жертвами его чар, я бы не хотела, чтобы тебя видели рядом с ним, да ещё в одиночестве: могут начаться толки и твоей репутации это будет не на пользу.

Они всё ещё недалеко от Делейни, неспешно, как и полагается светским дамам, проходят мимо клумб с розами, мимо смеющихся гостей.

— Тебе такого не нужно, — Эстер заботливо поправляет волосы дочери. — Не нужно, чтобы весь свет видел, как юная Илана Вален стоит так близко к Рамону Делейни и о чём-то вполголоса беседует, как будто у вас какая-то интрижка. Понимаешь?

— Понимаю, матушка, — Илана послушно кивает, всё ещё чувствуя его взгляд на себе и не смея смотреть куда-то, кроме как на мать.

— Ты не такая, моя девочка, ты чистая и незапятнанная. Береги себя для мужа и не водись со светскими... ловеласами! Нам это ни к чему, мы не гонимся за деньгами или титулами.

Они ещё с полчаса находятся среди нарядной светской толпы, Илана старается держаться так, как будто ничего особенного не произошло, так же мила со всеми, с кем её знакомит мать. Вот она улыбается шуткам молодого нервного блондина с разряженной в шелка и жемчуга маменькой, внимательно выслушивает сетования седовласой леди Виден

на боли в коленях, пробует маленькие пирожные, выражает восхищение приёмом радушной хозяйке, розовощёкой толстененькой леди Порт. Краем глаза Илана видит, что чуть в стороне от них стоит Рамон Делейни с бокалом и что-то оживлённо обсуждает с улыбочивой леди в белых соболях. Девушка чувствует внезапный укол ревности и рада, когда Эстер говорит «нам пора» и ведёт её к выходу, не оборачиваясь.

Но Илана чувствует каким-то шестым чувством: Рамон Делейни не сводит с них глаз и смотрит им вслед.

Смотрит на неё.

Когда они садятся в карету, Эстер наконец-то улыбается: — Молодец, дочка, всё сделала как надо. И так хорошо смущалась — я почти поверила, что ты действительно впер-вые его видишь.

Илана молчит, отчего-то не может сказать матери, что смущение было настоящим, что жар до сих пор не отпускает и она всё ещё чувствует его ладонь на своей талии.

— Он навёл о тебе справки, — продолжает Эстер, снимая перчатки. — Мне леди Бриана шепнула, мол, Рамон Делейни тобой интересовался. Спрашивал, кто такие Валены, откуда приехала дочь, есть ли жених...

Сердце Иланы делает кульбит:

— Это... хорошо?

— Это отлично! — мать довольно кивает. — Теперь ждём.

Всю ночь Илана не может уснуть. Ворочается в постели, открывает окно, снова ворочается, закрывает окно, смотрит

в потолок, а перед глазами — его лицо: серые глаза с золотыми искрами, усмешка на чувственных губах, в ушах голос, от которого по коже бегут мурашки.

«Это зелье, — твердит она себе. — Оно скоро выветрится, и всё пройдёт».

Но сладкая любовная истома завладевает ею, берёт в плен. Все мысли о черноволосям красавце, а все чаяния — как бы увидеть его снова... Услышать, как он произносит её имя и почувствовать его прикосновение.

«Илана. Красивое имя для красивой девушки», — вспоминает она, прижимает подушку к груди и закрывает глаза.

А утром служанка приносит в её комнату огромный букет алых роз, дорогих, бархатных, благоухающих. Их так много, что девушка едва удерживает вазу. К букету приколоты простая белая карточка с чёрными буквами: «От Рамона Делейни».

Илана берёт карточку, и пальцы дрожат.

Дверь открывается, входит мать, смотрит на розы, на дочь, на карточку — и довольно ухмыляется:

— Попался!

Илана переставляет цветы на прикроватную тумбочку и не может на них насмотреться, сладкая истома внутри усиливается, всё её нутро трепещет, когда она думает, как он заказывал для неё эти цветы и думал о ней... Наверняка думал, иначе зачем бы стал присылать такие цветы...

За завтраком она едва съедает половину булочки: аппети-

та нет.

После Эстер объявляет:

— Идём на прогулку, погода чудесная, грех сидеть дома. Прихорошись и надень то лазурно-голубое платье, в котором твои глаза особенно сияют.

Илана делает всё, как сказала мать, сбрызгивает себя любимыми духами, надевает шляпку с лентами в тон к платью и спускается. Они выходят на залитую солнцем улицу и направляются к парку, что через две улицы.

И почти сразу же у входа им навстречу идёт он.

Рамон Делейни.

В светло-сером сюртуке без шляпы с лёгкой улыбкой. Будто случайно оказался здесь, в этом парке, в это самое время. Он подходит, кланяется Эстер, потом переводит взгляд на Илану — и она чувствует, как снова вспыхивает жар в груди.

— Леди Вален, какая приятная встреча...

— Лорд Делейни, — Эстер изображает удивление. — Вот уж не ожидала...

— Позвольте составить вам компанию? — он смотрит на Илану, только на неё. — День слишком прекрасен, чтобы гулять в одиночестве.

Эстер делает вид, что колеблется. Потом вежливым светским тоном произносит:

— Ну, если вы настаиваете...

Рамон пропускает мимо ушей наигранное недовольство и предлагает Илане руку.

Она касается его локтя — и сердце бьётся так громко, что наверняка слышно на всю улицу.

«Это зелье, — в последний раз пытается убедить себя она. — Так оно работает на нас обоих».

Но когда он тепло улыбается, то от переполняющей её нежности под рёбрами становится больно.

Илана понимает: ей уже всё равно, зелье или нет — она влюбилась.

— Приехали! — грубый голос стражника вырывает из воспоминания, и я обнаруживаю себя в повозке посреди каменного двора позади какого-то невзрачного здания из серого камня с зарешёченными окнами.

«Тюрьма... меня привезли в тюрьму...» — понимаю я.

— Выходи, красотка, — мерзко ухмыляется стражник. — Жаль, что не я твой тюремщик, — он не отрываясь смотрит на мои груди, и внутри, там, где только что были чужие тепло и влюблённость, разливается холод, тоска и безнадёжность.

«Очень хорошо, что ты не мой тюремщик», — меня невольно передёргивает, едва представляю, что такой, как он, мог бы сделать с безвольной пленницей этих каменных стен.

— Но ничего, Горен тоже умеет развлекаться, — хмыкает тот. — Будешь вести себя хорошо, может, и приоденет тебя. А уж я расспрошу его во всех подробностях о том, как ты умеешь развлекать мужчину, говорят, вы ведьмы чудо как хороши в койке!

Я вздрагиваю, не хочу идти в холод каменных застенков, но охранник звонко и с видимым удовольствием шлёпает меня по бедру и прикрикивает:

— Вперёд, иди, кому сказал! Или я научу тебя послушанию.

Вскидываю голову и быстро прохожу внутрь, лишь бы он больше не трогал меня.

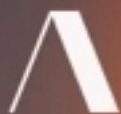
«Женя, тебе надо выбираться отсюда», — всё, о чём могу думать, когда мои босые ноги касаются холодного камня тёмного коридора тюрьмы и дверь за мной закрывается с глухим стуком.

Мои дорогие!

Подписывайтесь на мою страничку, чтобы не пропустить новинки и розыгрыши, сделать это можно здесь: <https://litnet.com/shrt/qNm0>

Вы перейдёте на мою страницу и просто нажмёте кнопку **ПОДПИСАТЬСЯ** вот как на этой картинке!

Я буду очень рада!

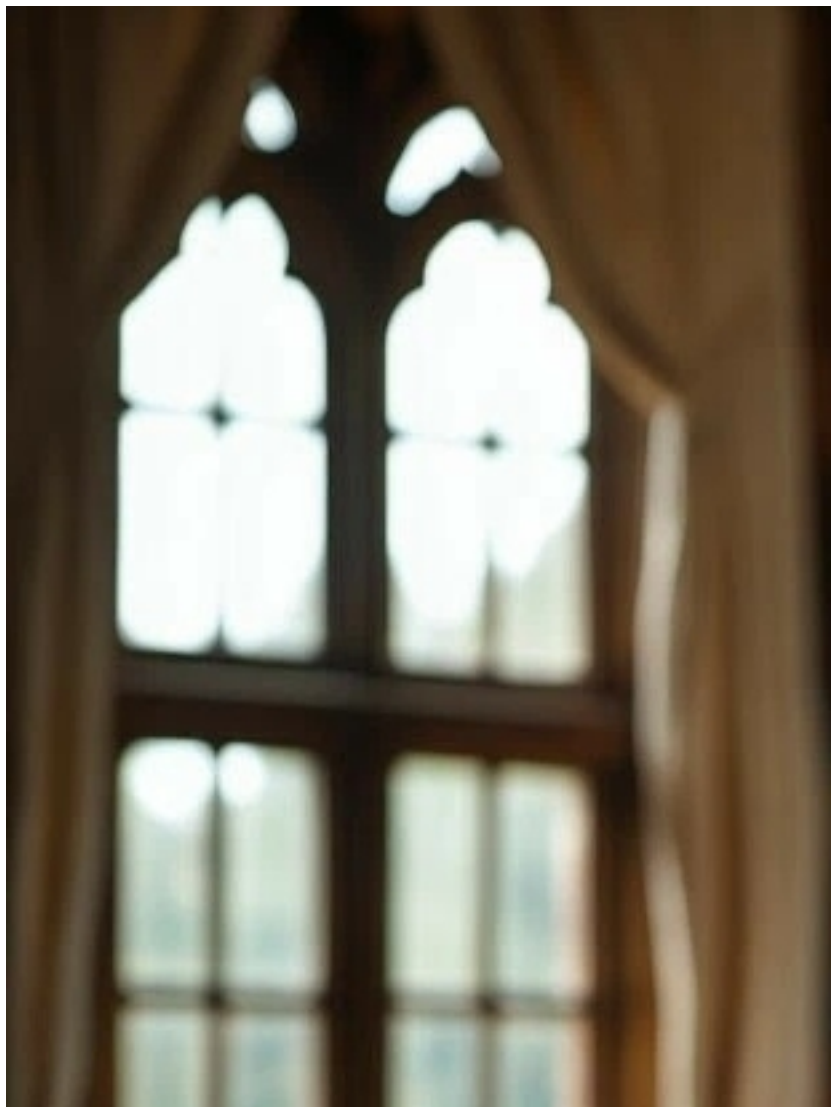
Листаем дальше!

Наши герои!

Илана

И вашему вниманию, третий генерал-дракон, красавец
Рамон Делейни!

Познакомились?

Читаем дальше!

Глава 4. Тюрьма

Женя

— Веди себя с Гореном хорошо, — шепчет стражник, обдавая меня кислым дыханием, пока мы идём по тёмному коридору, — иначе попортит тебе шкурку. Мне будет жаль: ты такая хорошенькая, люблю беляночек...

Меня передёргивает. Хватка холодных рук на локте крепкая, пальцы впиваются в кожу, и от запаха стража и гнетущей атмосферы тёмного коридора к горлу подкатывает тошнота.

«Или от беременности, — пронзает меня догадка, — в первом триместре токсикоз — нормальное явление...»

При мысли о том, что внутри меня зреет новая жизнь, находиться в каменных застенках кажется совсем невыносимым. В груди ледяным огнём вспыхивает страх: вдруг что-то с беременностью пойдёт не так, ведь впереди неизвестность...

«Спокойно, Женя, ты многое повидала, пока работала в приёмном покое. Соберись, и справишься», — слегка отворачиваю голову от источника зловония. Становится чуть легче, а страж, кажется, замечает и усмехается:

— Какие мы нежные...

Массивная деревянная дверь в кабинет открывается со скрипом. За столом сидит лысый жилистый мужчина с пе-

рекошенным, явно когда-то сломанным носом. Переносица уходит влево, ноздри разного размера, дышит он с присвистом.

«Да уж, — думаю машинально, — хорошего травматолога тебе явно не досталось в своё время. Это ж надо с таким перекосенным носом жить... Как он вообще дышит? Наверняка храпит так, что стены трясутся».

— Кто тут у нас? — мужчина поднимает голову от документов и присвистывает. — О-о-о, да никак знатная леди...

— Уже нет, — злорадное ехидство так и сочится из приведшего меня стража. — Господин Горен, это ведьма, что вышла замуж за третьего генерал-дракона Делейни неделю назад. Помните, ещё гарнизоны у Жемчужного храма усиливали, когда сам Император на эту свадьбу соблаговолил приехать?

— Тю-ю-ю! — присвистывает Горен и встаёт из-за стола.

Он обходит меня кругом, разглядывая медленно, оценивающе. Взгляд скользит по мне с такой откровенной похотью, что хочется немедленно помыться. Желательно с щёткой и хорошим антисептиком.

— И что же привело тебя сюда, пташка? — глядя на меня масляными глазами, этот отвратительный человек явно упиивается своей властью.

— Подделка метки истинности! — дверь резко, толчком открывается и голос Рамона заполняет собой всё пространство захламлённой казённой комнаты.

Вздрагиваю и оборачиваюсь.

Он стоит на пороге в официальном тёмно-синем мундире с золотыми эполетами, свежий, вымытый, с волосами, убранными назад. Лицо — каменная маска, ни единой эмоции.

Я понимаю, что благоверный пришёл сюда не по голове меня погладить, и всё же после мерзких слов стража и отвратительных взглядов кривоносого Горена Рамон Делейни кажется почти спасителем.

Но иллюзия быстро проходит.

— Я женился на этой... шлюхе, — он произносит это слово так, будто пробует на вкус, примеряет ко мне, — только потому, что она моя истинная. А оказалось, она использовала тёмную магию, чтобы подделать метку.

Он пересекает комнату в три шага, грубо убирает с голых плеч длинные светлые локоны и демонстративно проводит рукой по гладкой, без единого пятнышка или родинки коже:

— Вот, поглядите. На этом самом плече была моя метка, а теперь её нет. И только из-за этой самой метки я повёл её под венец...

Слегка шершавые пальцы обжигают кожу. Я чувствую жар там, где он касается меня, и это... странно. Неправильно. Он — незнакомый мне мужчина, которого моя предшественница, судя по всему, жестоко обманула, а он сейчас в ответ не менее жесток, и ничего хорошего от этого Делейни ждать не приходится. Я должна бояться, а не...

— И чувств к этой потаскухе у меня тоже нет, — добав-

ляет он, но голос звучит глухо, будто он пытается убедить не только нас, но и себя.

— Рамон... — отчего-то шепчу я, внутри вспыхивает отголосок чужого чувства, какая-то острая, болезненная потребность получить его защиту, спрятаться за ним от этих омерзительных мужланов, оказаться за широкой спиной.

Под сальными взглядами тюремщика и стража мне тревожно, опасность витает в воздухе, и я остро чувствую, что такие, как они, могут со мной сделать, окажись я без защиты.

Чувствую, как мужчина вздрагивает, когда произношу его имя.

— Рамон, давайте поговорим... я

— Какая вежливая и разговорчивая! — он приподнимает бровь. — Память, что ли, вернулась? Хочешь нам тут всё рассказать? Где достала зелье, как меня опаивала? Или ходила к какой тайной мастерице чёрного приворота, какую каратели прозевали? Скажи-скажи, это всё равно случится, просто тебе придётся немного пострадать...

Под тяжёлым, непроницаемым взглядом язык будто прилипает к нёбу. Ледяная волна паники накатывает, сковывает все мысли: «Никто не поверит, что я ни при чём... Скажут, что лгу, выворачиваюсь... Ещё сильнее разгневаю этого Рамона, он же явно не хочет меня даже выслушать... Может... может, семья мне поможет? Тогда лучше сохранить всё в тайне... Промолчать, а там...»

Что там, не знаю, но решаю пока не говорить ничего.

— Не хочешь, я смотрю? — усмехается Рамон. — Тогда говорить будем на суде!

Он отрезает это резко, жёстко. Но при этом всё ещё держит меня за руку, и его прикосновение... пронзает меня, клеймит. В крови будто разгорается пожар, тугой узел закручивается внизу живота, и я не понимаю, что со мной происходит, слишком похоже на чувства из чужих воспоминаний.

«Это что, чувства Иланы? Почему я... вождедею его? Почему меня к нему тянет?»

Поднимаю глаза и вижу, как в его зрачках вспыхивает и гаснет золото. Он будто притягивает меня ближе, кажется, вот-вот заключит в объятия, а его древесный, с нотками пряностей запах окутывает, заполняет собой мой нос, и я как сумасшедшая не могу надышаться им. То же самое делала и Илана когда-то...

Мгновение, и эта невозможная, не поддающаяся пониманию химия между нами резко рассеивается, он с рычанием отдёргивает руку:

— Проклятая ведьма! Шлюха! — выплёвывает он, отступая на шаг. — Ещё пытается применить свои чары!

В его голосе — ярость, но под ней что-то ещё. Что-то, что он пытается скрыть.

— В камеру её! — не терпящим возражений тоном бросает он Горену. — Приказываю, как третий генерал-дракон, открывайте дело, будем выяснять мотивы!

— Рамон! — я смотрю на него умоляюще. — Не надо...

Наш ребёнок...

— Как ты запела! — он усмехается, но усмешка не достигает глаз, наоборот, в глазах такая боль, что... страшно. — На допросе споёшь всю партию из этой оперы. А ребёнок... ребёнка не будет, ты ведь мне не истинная.

Меня прошибает холодным потом: «Меня что... принудят избавиться от плода? Нет! Ни за что!»

Тиран поворачивается к кривоносому:

— Вызовите из отдыха господина Луито, мне нужен лучший дознаватель, только он! Всё должно быть тихо, без лишнего шума. Понятно?

— Слушаюсь! — раболепно кивает тот.

— Заблокировать ей магию не забудьте, — добавляет Рамон. — Она хоть и слабая ведьма, но истинность каким-то образом подделать сумела.

— Слушаюсь! — снова кивает тот и что-то пишет на пергаменте.

— Увести её!

Вздрагиваю от резкого голоса, как от пощёчины, встречаюсь глазами с Рамоном и чувствую, как проклятый жар внизу живота всё ещё тлеет.

«Ублюдок, — думаю я, — это ты воздействуешь на меня! Ещё и ребёнка меня лишить хочешь!»

Разрываю зрительный контакт, чувствуя, небывалую злость и на черноволосого Аполлона, и на себя за телесную слабость. Тоже мне, чуть не растеклась лужицей под взглядом.

дом тирана и абьюзера!

А тиран и абьюзер собственнически скользит взглядом по мне: по полупрозрачному пеньюару, едва прикрывающему тело, по босым ногам на холодном камне, по плечам, на одном из которых ещё недавно была его метка.

Что-то меняется в его лице. Челюсть напрягается, в глазах мелькает тень — не ярости, а иного, нечитаемого чувства. Рамон невольно делает шаг обратно, будто его тянет ко мне, и я вижу, как его рука дёргается, почти незаметно, будто он хочет коснуться меня и сам себя останавливает.

— Выдайте ей одежду и обувь, — голос звучит хрипло, и мужчина откашливается. — Всё-таки... негоже моей жене почти голой здесь находиться.

«Моей жене, — отмечаю я. Не «этой ведьме». Не «шлюхе». Моей жене».

Но и на этом спасибо, хоть какие-то извилины в мозгу зашевелились.

Горен и стражник переглядываются, а Рамон выходит, резко, не оглядываясь, будто спасается бегством от собственных слов.

— Выполнять! — Горен быстро царапает что-то на пергаменте, ставит оттиск, похоже печать, и отдаёт всё тому же плохо пахнущему стражу.

Всё происходит очень быстро.

Бах! И меня ведут по коридору в маленькую комнату, пропахшую сыростью и плесенью. Сухонькая старушка с оспи-

нами по всему лицу выдаёт мне тёмный балахон из грубого сукна и похожие на кожаные ботинки. Ткань моего нового одеяния колючая, но хотя бы чистая, а ботинки стоптанные и явно ношенные, но я принимаю всё с благодарностью. Лучше так, чем босые ноги и проклятый прозрачный пеньюар.

Быстро натягиваю робу прямо поверх ничего не скрывающего тонкого кружева и чувствую себя немного легче, теперь между мной и враждебным новым миром есть хоть какая-то защита.

Потом меня ведут в другую комнату, побольше, заставленную полками со склянками и пузырьками. Пахнет травами, чем-то горьким и ещё чем-то, чему я не знаю названия. За столом сидит женщина в глухом закрытом платье тёмно-серого цвета. Лицо строгое, волосы убраны под чепец.

«Никак местный врач», — понимаю я.

«Лекарь», — поправляет меня тот самый новый голос внутри.

— Зелье блокировки магии, — женщина протягивает мне пузырёк с мутной жидкостью. Голос спокойный, почти скупающий. — Выпейте сами. Иначе мы вас заставим, и будет хуже.

— Я... беременна, — взглядываю на неё с опаской.

— На ребёнка не повлияет, только заблокирует магию, — сухо и профессионально объясняет она. — И не пытайтесь вызвать рвоту: не получится, это специальный состав.

Смотрю на пузырёк. Врачебное любопытство шевелится

внутри: интересно, что за состав, что там, вообще, внутри? Как можно заблокировать магию химически?

Врач, нет, лекарка, внушает доверие, да и выбора у меня особого нет — выпиваю одним глотком. Горько, вяжет рот, по телу расходится странный холод, будто что-то внутри меня... гаснет.

«Надо же, вот как оказывается чувствуется магия, — понимаю я, — как что-то тёплое под рёбрами, рядом с сердцем. — Очень хорошо, — кивает женщина, и меня уводят.

Повороты, спуск вниз, и мы оказываемся в длинном коридоре с крошечными каменными мешками-камерами, едва ли два на три метра. Повсюду затхлый запах грязи, антисанитарии и... беды.

«Запах... лучше не думать о запахе», — меня снова подташнивает.

Стражник идёт ко мне близко, слишком близко, явно упиваясь своей властью, наклоняется к самому уху вызывая во мне волну омерзения:

— Я запомнил твою фигурку в пеньюаре... Как только выдаться возможность, попрошу себе ночную смену... обязательно приду к тебе как-нибудь ночью.

Меня передёргивает, но он не замечает, или ему всё равно.

— Надеюсь, эти губки умеют не только кривиться при виде простого стража вроде меня, — он ухмыляется, обнажая жёлтые зубы, — но и хорошенько обслуживать. Слышал, как

муженёк называл тебя шлюхой, надеюсь, что не зря, должно быть мастерица в постели...

Он достаёт ключ и с лязгом открывает дверь камеры, толкает меня так, что едва не падаю. Дверь с грохотом захлопывается за моей спиной, и я оказываюсь в тесном непроветриваемом каменном мешке. Маленькое зарешечённое окошко под потолком, охапки грязной соломы на полу, в ближайшем углу дурно пахнущее ведро для нужд.

Но не это главное, главное — люди...

В камере несколько женщин: худая женщина средних лет в лнялом платке, сгорбленная старуха у стены, две молодые девицы с размазанной косметикой и откровенными декольте — явно проститутки. Обе они кашляют, надсадно, с хрипом. А одна из них бредит, бормочет себе под нос, глаза блестят от жара. Я машинально отмечаю симптомы: высокая температура, влажный кашель, спутанное сознание. Пневмония? Туберкулёз? В таких условиях — запросто.

— О, у нас пополнение! — усмехается старуха, обнажая беззубый рот и сплёвывает на солому. — Поглядите-ка, девки, какая красивая к нам пожаловала! Няйна, чай покраще вас!

Одна из кашляющих девиц, та, что получше смотрит на меня, срывающимся голосом отвечает:

— Что мне до того, я вот-вот душу отдам... Не красавица мне, а лекарка нужна...

— За что тебя, милая? — старуха наклоняет голову, раз-

глядывая меня с любопытством. — Воровство? Мошенничество? Или, может, супружника своего прирезала?

Молчу. Не знаю, что отвечать, борюсь с тошнотой, но безуспешно... Миг, и я уже около того самого ведра в углу, выдаю ему содержимое желудка, да так что глаза слезятся.

Когда наконец отпускает, я сажусь на холодный каменный пол, приваливаюсь к стене и тяжело дышу.

«Господи... Это что, то зелье? Организм отторгает?»

— Никак брюхатая? — голос старухи звучит как будто издали.

— Брюхатая, — вытираю рот рукавом грубого балахона, и меня пронзает, как молния: «Это точно токсикоз. Боже! Я точно беременна».

Никакая беременность не фальшивая... Я знаю это — из воспоминаний Иланы, из слов Рамона. Но одно дело знать, и совсем другое — почувствовать. Вот так, телом, нутром, этой волной тошноты, которая накрывает беременных женщин в первые месяцы.

Руки сами ложатся на живот, плоский ещё, ничего не видно, но там... там наконец-то кто-то есть.

И пусть мир другой, жизнь другая и всё так некстати, но я беременна и это по-настоящему. Пусть не от Игоря, пусть в чужом теле, но я получила, что хотела, а мои часики всё ещё тикают!

Радость и ужас смешиваются в груди в странный коктейль под названием «принятие».

У меня наконец-то будет ребёнок! Да, я в тюрьме, да, меня хотят казнить, но я выберусь. Всегда была сильной, а теперь буду сильнее вдвойне, и не только ради себя.

«Кстати, что там насчёт силы? Зелье-блокировки, судя по всему, в отхожем ведре...»

Чувствую, как в груди, около сердца, теплеет то самое ощущение магии...

*Мои дорогие!

Приглашаю вас завершённую историю про попаданку с характером, которую... муж-изменник столкнул с лестницы.

Что будет дальше? Новый мир и новая жизнь!

А вот как она сложится... читаем в бестселлере Литнет,

"Дракон желает нелюбимую жену"

<https://litnet.com/shrt/glaf>

ОЛЬГА ЛИ

Читаем, влюбляемся, летаем на драконах, здесь:

<https://litnet.com/shrt/jhxS>

Глава 5. Не родная

Женя

Время тянется бесконечно, часики замедлились, тик-так, тик-так. Сколько я уже здесь? Час, может, два, может, уж полдня прошло? В каменном мешке без часов время растягивается, как тягучая патока, медленно и лениво.

Кашель девиц не прекращается. Одна из них — та, что в бреду, — затихла, свернувшись калачиком на соломе, только грудь судорожно вздымается. Вторая сидит, привалившись к стене, и смотрит в никуда пустыми глазами. Женщина в линиялом платке забила в угол и беззвучно шевелит губами — молится, наверное.

Старуха наблюдает за мной какое-то время, потом кряхтя поднимается и ковыляет ко мне.

— Ну-ка, милая, пойдём-ка сюда, — она берёт меня за локоть неожиданно крепкой рукой и тянет в дальний угол камеры подальше от кашляющих. — Вот тут и устраивайся. Солома почище, и от тех подальше.

— Спасибо, — голос звучит хрипло.

— А то заразят тебя своей хворью, — старуха качает головой, помогая мне сесть. — Ты вон и так вся тонкая и звонкая, не дай Мать, выкинешь ещё ребёночка.

— Не дай Мать, — машинально повторяю я.

«Кстати о матери... Вот бы сейчас пришла мать Иланы, — думаю, устраиваясь на колючей соломё. — Эстер. Она же вытянула дочь в эту историю, значит, должна помочь, вытащить отсюда, нанять защитника, подкупить кого надо... Она ведь мать, в конце концов, а мать ради своего ребёнка способна на всё, даже я, едва попав в это новое тело, это чувствую».

Прикрываю глаза, чувствуя дичайшую слабость, и в попытке найти выход из патовой ситуации призываю воспоминания.

И они приходят... снова о Рамоне.

Бам! — и я оказываюсь в чудесном светлом дне, щебечут птицы. «Городской сад Элиона», — услужливо подбрасывает название места память.

Илана идёт по аллее, рядом — широкоплечая фигура Рамона в светло-сером сюртуке. За ними на почтительном расстоянии следует гувернантка Кайлис — сухопарая женщина с поджатыми губами и цепким взглядом ястреба.

Неделя. Целая неделя прошла с того вечера у фонтана. Каждый день — цветы: розы, лилии, ещё какие-то незнакомые виды, бутоны с нежнейшим ароматом. Каждый день — записки на плотной бумаге с пожеланиями доброго утра и прекрасного дня от *него*, Илана перечитывает их по многу раз на дню. Почти каждый день встречи: прогулки в парке, в саду, по набережной. Всегда под присмотром матери или гувернантки, всегда на расстоянии вытянутой руки, мать уме-

ло создаёт иллюзию строгого надзора за любимой дочерью, хотя сама толкает Илану в объятия дракона и подробно допрашивает её, что сказал, как посмотрел, делал ли какие намёки. Эстер внимательно слушает, а потом даёт советы: что говорить, как себя вести, как быть не собой. Илане это не нравится, девушке хочется рассказать Рамону правду, от которой сердце сжимается, но она помнит, что стоит на кону, и ещё... она влюблена и боится реакции любимого.

Завтра его пригласили на ужин. Мать создаёт вид, что делает это не очень охотно и сомневается, беспокоится о репутации.

Вчера, когда Илана доставала снесь из корзинки для пикника, до неё долетел обрывок разговора. Эстер стояла чуть в стороне с Рамоном, и голос её звучал строго, почти сурово:

— Не знаю, что у вас на уме, третий генерал-дракон, но мы — приличная семья. Пусть не драконы, пусть наш род ведьминский и не самый сильный, но честь мы блюдём. Не вздумайте моей девочке мозги запудрить, сердечко разбить и махнув крылом исчезнуть!

— Что вы, что вы! — ответил Рамон, и в его голосе было столько почтения, что Илана едва сдержала улыбку. — У меня самые серьёзные намерения.

«Забавно, — подумала тогда она, раскладывая пирожки на льняной салфетке, — ведь всё совсем не так». Потому что на самом деле маменька переживала совсем о другом: что метка всё ещё не проявилась, сетовала, что Делейни слиш-

ком силён и зелье не действует, как должно, и план может сорваться.

Но сейчас, в этот солнечный день, идя рядом с Рамоном по усыпанной белым гравием дорожке, Илана не думает о планах, не думает о зелье, не думает ни о чём, кроме того, как близко он идёт, как иногда его рука случайно касается её руки, как от этих мимолётных прикосновений по коже бегут мурашки.

— Кайлис! Ах, какая встреча! — визгливый голос раздаётся откуда-то сбоку. Гувернантка оборачивается — на неё налетает пышнотелая дама в лиловом, судя по всему, какая-то давняя знакомая, и начинает тараторить о погоде, дочери и каком-то сире Бариле.

Рамон не упускает момент — его пальцы смыкаются на запястье Иланы, тёплые, уверенные, и он увлекает её с дорожки, за высокую живую изгородь, подальше от чужих глаз.

— Что... зачем? — лепечет она, хотя внутри всё сладко замирает от предвкушения.

— Затем, — его голос низкий, хриплый, — что я думаю о тебе постоянно. Есть не могу, пить не могу. Дышу одной тобой с того самого приёма, едва увидел... — и он целует её.

Не так, как в её девичьих фантазиях, робко, нежно, едва касаясь губ. Нет... это другое.

Он целует её жадно, страстно, умело, да так будто умирает от жажды, а она — единственный источник воды в иссушенной пустыне. Его губы горячие, требовательные, и Илана за-

дышается, тонет в этом поцелуе, цепляется за его плечи, чтобы не упасть, такая сладкая истома овладевает ею, разжигает внутри пламя, сильное, всепоглощающее, настолько, что она отвечает на этот поцелуй.

Сама не понимая, что делает, притягивает его ближе, запускает пальцы в тёмные волосы на затылке, прижимается к широкой груди. Его руки обхватывают её талию, крепко, властно, и она чувствует его тепло сквозь тонкую ткань платья, чувствует, как бешено колотится его сердце, как восстаёт мужская плоть около её бедра...

А потом по телу прокатывается обжигающая, ослепительная волна силы, доходит до кончиков пальцев и откатывается обратно, к плечу, где жжёт так, будто её клеймят. Кожа вспыхивает нестерпимой болью, Илана вскрикивает, отстраняется.

— Что... — она смотрит на своё плечо.

Сквозь тонкую светлую ткань что-то сияет ярким тёмно-синим цветом. Рамон отстраняется, его глаза широко распахнуты, в зрачках пляшут золотые искры.

— Неужели, — шепчет он хрипло, — это то, о чём я думаю?

— Не знаю... — голос Иланы дрожит, ноги подкашиваются от пережитой боли, от первого поцелуя, от близости этих золотых искр в глазах Рамона. — Что со мной?

Его пальцы властно, без спроса тянутся к ткани, резко отодвигают её, обнажая кожу и дракон протяжно выдыхает,

увидев... рисунок. Тёмно-синий, в виде пасти дракона, сияющий. Он пульсирует в такт биению сердца, медленно угасая, впитываясь в кожу.

— Это мой знак, — голос Рамона срывается. В нём — изумление, благоговение, что-то похожее на надежду и безудержная, почти детская радость. — Ты... ты моя истинная.

Он снова притягивает её к себе, но теперь нежно, бережно, будто она создана из тончайшего стекла.

— Моя истинная, — повторяет он ей в волосы. — Я так ждал тебя... Не верил, что когда-нибудь встречу, думал, обречён...

Откуда-то издалека доносится голос гувернантки:

— Госпожа Илана! Госпожа Илана, где вы?

Но Илане всё равно, она прижимается к широкой груди, слушает стук его сердца, вдыхает его запах, древесный, пряный, ставший таким родным за эту неделю, и чувствует такое безграничное счастье, что хочется плакать.

И только где-то глубоко внутри, на самом дне души, шевелится мерзкое, липкое чувство — червячок сомнения, которого она старательно давит, не даёт ему выползти на свет.

«Ты лгунья, — шепчет он. — Ты обманщица... Эта метка — ненастоящая, а ты... поддельная истинная, и рано или поздно Рамон об этом узнает».

Но Илана не хочет слушать. Ведь его руки такие ласковые, его губы такие горячие, и впервые в жизни она чувствует себя... нужной, желанной и любимой мужчиной.

Пусть даже эта любовь построена на лжи...

Воспоминания обрываются, в груди щемит от чужих чувств, открываю глаза: серая тюремная стена, колючая солома, кашель сокамерниц и вонь. Где-то в коридоре лязгает что-то железное, раздаются шаги, эхо от них гулко отдаётся в ушах.

Дотрагиваюсь до губ, на которых всё ещё горит призрак того поцелуя: «Как далека я сейчас от того дня... Впрочем, так же далека, как и от московских сугробов, около которых меня прикончила Вика».

Шаги всё ближе.

«Может это ко мне?» — вспыхивает надежда.

— Эй, ведьма! — грубый голос стражника. Другого, не того, что угрожал. — К тебе пришли, подойди к решётке.

Вскакиваю, сердце колотится. Подхожу к двери, дотрагиваюсь до холодных прутьев и вижу мать Иланы.

Эстер стоит в коридоре в тёмно-бордовом платье, волосы убраны под строгий чепец, лицо непроницаемое: ни тревоги, ни материнского беспокойства. Только бледность, которую не скрывает даже толстый слой румян выдаёт, что у этой красивой женщины тоже есть чувства.

«Буду играть роль Иланы, — быстро решаю я, — если вскрыется, что внутри её дочери кто-то другой, меня точно вздёрнут».

— Мама! — выдыхаю с облегчением, представляя свою родную мать. — Мама, ты пришла...

— Ты не смогла справиться даже с такой простой задачей, — голос Эстер тихий, но в нём столько яда, что я невольно отшатываюсь. — Почему пропала метка истинности? Ты что, не в состоянии была вовремя принять зелье?

— Мама, — шепчу я, — я не знаю, как так вышло... я делала всё, как ты велела... Мама, помоги, вытащи меня отсюда. Я не знаю, почему метка пропала. Рамон угрожает меня казнить...

— Да я бы сама тебя казнила за то, что ты такая дура! — шипит Эстер, и её глаза вспыхивают лютой злобой.

— Что? Но мама... — разыгрывать удивление не приходится, я действительно обескуражена реакцией этой женщины на угрозу жизни дочери.

— Растила тебя, кормила, поила, как родную дочь, — она цедит слова сквозь зубы, — а ты не в состоянии отплатить благодарностью в нужный момент!

«Как родную дочь?» — внутри что-то холодеет.

— В смысле... как родную дочь? — голос срывается, пока я судорожно копаюсь в воспоминаниях Иланы, пытаюсь вспомнить, может, Илану удочерили... но нет, память Иланы подсказывает: Эстер — родная мать, она всегда была рядом, с самого детства, с первых воспоминаний, оберегала, кормила, ходила гулять со своей златокудрой малышкой...

Но что-то тревожное шевелится на задворках этой памяти, какие-то застарелые подозрения, но я не могу уловить их, они ускользают.

— В прямом, — холодно отвечает Эстер. — Ты не задумывалась, почему ты одна у нас в семье такая светленькая? Папаша твой чернявый, у меня волосы и глаза тёмные, Аурика, — голос немного теплеет, — смугляночка. А ты светло-волосая да голубоглазая?

— Н-нет, — заикаюсь, — что ты... что ты хочешь сказать, мама?

— Не мать я тебе, не поняла, что ли, пустоголовая? — от боли в груди мир будто схлопывается. Звуки становятся глухими, далёкими.

— Ч-что ты говоришь... — меня на удивление трогают слова Эстер.

— Нагулял тебя твой папаня с ведьмой северной, пока в отъезде по государственным делам был. Потаскуха та умерла при родах, и он мне условие поставил: воспитать тебя должна, только тогда не разорвёт нашу помолвку после скандала моего с герцогом Сурресом, — Эстер кривит губы. — Мне деваться некуда было: кому я, обещанная, нужна была? Пришлось соглашаться на всё и изображать твою мать.

— Я... не твоя дочь? — слова выходят с трудом, будто каждое весит тонну, чувства Иланы ещё сильны, хоть её самой внутри меня и нет.

— Не моя, — Эстер смотрит на меня без тени сочувствия. — Но, видят боги, я тебя по-своему любила и хорошо воспитывала, старалась, чтобы ты образованная выросла, не чета мне. Думала, — она грустно усмехается, — сможешь ты по

счетах мне отплатить, но даже это ты не в состоянии была сделать, и попалась.

— Ма... — осекаюсь. — Эстер... прошу, помоги! Вытащи меня, молю! Я беременна...

— Не помогу, нет у меня возможности... — она наклоняется ближе к решётке, и её голос становится ещё тише, ещё опаснее: — А ты имей в виду: если словом обмолвишься, что я тут замешана, или маркиз Фонтейн... головы тебе не сносить. В тюрьме этой тихонько концы отдашь в тот же день, как проболтаешься.

— Ч-что?! — меня пробирает дрожь от ужаса.

— Что слышала. Ни при чём я, маркиз Фонтейн тоже. Ври, что влюбилась в Делейни до безумия, что у заезжей ведьмы купила приворотное зелье на ярмарке, и всё на том. А про нас — молчи. Может, смилостивится Делейни, и отправят тебя в Дикую Пустошь вместо плахи.

«В Дикую пустошь отправляют на верную смерть» — приходит знание.

— Это же тоже погибель...

Смотрю ей в глаза, и в них мелькает что-то похожее на сожаление, но только на мгновение.

— У меня своя дочь, я о ней пекусь, а ты — не моя кровь, уж извини, — она смотрит пристально, жёстко. — Так что справляйся сама.

Женщина, которую Илана считала матерью молчит, а потом тяжело вздыхает:

— Видно, яблочко от яблони... Мамаша твоя только ноги раздвигать могла, и ты тоже. А как дело делать — так всё я. Прощай, и больше о семье не вспоминай. Даже отец тебя проклинал, когда узнал, что ты попалась и жизни наши да Аурики на волоске висят.

Она разворачивается и уходит по коридору не оглядываясь, цокая каблуками по камню.

Я стою, вцепившись в решётку, и смотрю ей вслед, потом ноги подкашиваются, и я медленно сползаю по стене, пока не оказываюсь на холодном полу.

«Не родная дочь. Падчерица. Приёмыш. Разменная монета» — всё встаёт на свои места. Вот почему Эстер так легко согласилась подложить «дочь» под дракона, почему не дрогнула, когда поила зельем девочку, которую «по-своему любила», почему сейчас бросает её гнить в тюрьме — просто Илана никогда не была ей родной.

«Справляться придётся самой, — думаю я, глядя в серый потолок камеры. — Никто не придёт на помощь, у меня есть только я и моё дитя в чреве».

— Не сиди на холодном-то полу, родная, — голос старухи доносится откуда-то сбоку. Она снова рядом, протягивает мне костлявую руку. — Застудишься. Пойдём на солому.

«Родная», — невольно улыбаюсь от иронии ситуации: чужая беззубая старуха в тюремной камере назвала меня «родная», а женщина, которая растила Илану с младенчества, от-

реклась.

Горький смешок рвётся из горла.

— Спасибо, — беру её руку и поднимаюсь.

Устраиваюсь на соломе в углу, обнимаю колени руками:

«Думай, Женя. Ты врач, ты привыкла решать проблемы.

Что у тебя есть?»

Магия... ко мне вернулась магия, я чувствую её в груди, тёплый огонёк пульсирует в такт ударам сердца.

«Надо понять, как этим пользоваться, — думаю я. — И быстро».

Девушка на грязной соломе в противоположном углу протяжно хрипит, а потом... издаёт долгий и протяжный стон.

— Кончилась, — безжизненным, пустым голосом говорит её товарка и кашляет. Видно, за ней моя очередь, заберёт и меня на тот свет могильная хворь. Не доживу я до отправки на северный рубеж, так и помру в этом дерьме...

«Могильная хворь, — вспоминаю я, — Могильную хворь можно вылечить магией, я... Илана когда-то училась этому».

— Я вылечу тебя, — вырывается у меня, — ты не умрёшь!

Мои дорогие!

Приглашаю в историю про ещё одну лекарку-попаданку!

Она не только спасает жизни, но ещё и разводится и ...встречает дракона!

ОСТОРОЖНО, В КНИГЕ ОЧЕНЬ ГОРЯЧИЙ ДРАКОН!

Разведённая лекарка. Дракону нужна! 18+

<https://litnet.com/shrt/4grX>

Что делать, если муж не вызвал скорую и ты...

Оказалась в теле молодой, знатной и тоже преданной мужем лекарки?

Разводимся и живём новую жизнь!

А как - читаем здесь:

<https://litnet.com/shrt/u0e9>

Глава 6. Северный эшелон

Женя

Девушка, кажется Наяна, поднимает на меня мутные от жара глаза:

— Чего?.. — голос сиплый, едва слышный. — Ты лекарка, что ль...

— Может, и так, кое-что в болезнях и их лечении смысло, мне бы только с силами собраться да вспомнить.

В камере воцаряется тишина, все взгляды обращаются ко мне. Я это чувствую, хоть и прикрываю глаза в попытке вспомнить чужие знания.

«Вспомни, Женя, ведь Илана училась лечить могильную хворь!» — тянусь к памяти, которая теперь моя, отгоняю мысли о Рамоне, страхи, влюблённость, сосредотачиваюсь на главном, замираю, а потом ко мне приходит нужное: строгая наставница в тёмно-синем платье, обшитые деревом стены пансиона в Вилантисе, толстая книга в кожаном переплёте с пожелтевшими страницами, запах трав и свечного воска...

«Могильная хворь поражает лёгкие, — я, нет, Илана, легко читает прежде незнакомые мне буквы, очень похожие на латиницу, — каждое слово отпечатывается в памяти, ведь это же особая, магическая книга, то, что прочтёшь раз, запомнишь навсегда. — Она питается жизненной силой, раз-

растается подобно плесени, душит изнутри. Чтобы изгнать её, нужно направить поток магии в грудь больного, выжечь заразу, но не повредить здоровую плоть. Призовите магию исцеления, и с помощью лекарского зрения аккуратно очистите больного от налёта могильной хвори».

Открываю глаза: «Это мне понятно, лёгкие... ну конечно! Нам бы такую магию в пандемию, сколько жизней бы спасли, сколько глаз бы не погасло навсегда...»

И хоть прежде я, Евгения Павловна Чернова, никогда не верила ни в какую магию или предвидение и открыто смеялась над «Битвой экстрасенсов», которую так любила смотреть свекровь, но сейчас, в этом мире я вдруг поверила. Да и как не поверить?!

«У нового мужа глаза, как у змеи, сама я каким-то образом оказалась в новом молодом и сильном теле после смерти, так почему бы мне не вылечить умирающую проститутку с помощью магии? — издаю нервный смешок. — В конце концов, я давала клятву Гиппократа, и если могу чем-то помочь, то помогу. Не важно, какой мир, я врач, была им и буду, а уж как — это частности!»

Подхожу к больной и отчётливо вижу, что по всем признакам жить ей осталось день-два, а может, и того меньше. Как протекает могильная хворь, я пока что воочию не наблюдала, и Илана с этим особо не сталкивалась, целительская магия в ней была развита слабо, ей гораздо лучше давались снятие порчи и заговоры на удачу.

— Тихо, — говорю спокойно, доброжелательно, профессионально: сейчас передо мной пациент, пусть и в тюремной камере. — Доверься мне.

Тянусь внутрь себя, туда, где под рёбрами, у сердца, пульсирует тёплый огонёк. Он откликается сразу, будто ждал, когда его позовут. Тепло разливается по венам, течёт по рукам к ладоням...

«Осторожно, — предупреждает память Иланы. — Слишком много силы — можно сжечь её изнутри. Слишком мало — не выжгу болезнь. Нужен баланс».

Баланс я умею соблюдать, доводилось со сложными пациентами работать, особенно, когда аспиранткой ездила по вызовам... С тем, как у нас оснащали машины скорой помощи в конце нулевых, приходилось выкручиваться и балансировать, не иначе.

«Лекарское зрение... лекарское зрение...» — зажмуриваюсь, открываю глаза и...

Бах! Во мне будто щёлкает невидимый тумблер: мир становится расплывчатым, сияющим, я вижу потоки жизненной энергии бегущие по телу пациентки, слабые, тусклые, но они есть, всё ещё можно исправить. А вот и чернота, грязная, неправильная, закупоривает потоки, затрудняет дыхание. Направляю тонкий, контролируемый поток серебристой сияющей магии в грудь девицы. Чувствую, как он проникает внутрь, как натывается на эту густую черноту, а та сопротивляется, цепляется за лёгкие, не хочет уходить.

«Выжигай», — командует память.

И я чувствую всем нутром, как надо сделать, и... выжигаю.

Магия вспыхивает золотистым светом под моими ладонями. Девушка вскрикивает, выгибается, хватается ртом воздух. Старуха проявляет неожиданную для её возраста прыть и хватается больную за плечи, придавливает, заставляет лежать ровно.

— Не отпускай, — бесстрастным голосом прошу невольного ассистента и продолжаю направлять поток. Секунда-две-три... и я наконец-то чувствую, как болезнь съёживается, отступает, исчезает, и на смену ей приходит чистая, здоровая пустота.

«Нужно перестроить путь потоков», — откуда-то знаю я и вожу руками над грудной клеткой девушки, легко-легко, так, словно делала это всю жизнь, и поправляю пути её жизненной энергии. Те послушно двигаются, соединяются, становятся плотнее. Когда чувствую, что сделала всё, что могла, отнимаю руки и отзываю магию так, словно... делала это всю жизнь.

Меня шатает от слабости, я вот-вот упаду, но то, что вижу, стоило этого всего: девушка делает глубокий свободный вдох, и в нём нет ни хрипов, ни свиста, ни кашля.

— Мать милосердная... — выдыхает старуха, подхватывая меня. — Ты и вправду лекарка...

Больная, нет, уже здоровая, я чувствую это, садится на со-

ломе, ощупывает себя так, будто не верит, что ещё жива и легко дышит. Глаза у неё огромные, ошарашенные.

— Я... я дышу, — она смотрит на меня. — Я дышу! Не болит больше, не давит... Как ты это сделала?

— Магия, — слышу дрожь в голосе от пережитого напряжения. — Немного магии и много удачи.

Наяна вдруг бросается ко мне и обнимает, крепко, отчаянно, так, как обнимают тех, кто вытащил тебя из могилы.

— Спасибо, — шепчет она мне в плечо. — Спасибо... Я думала, всё, конец мне, помру, как Мойра... — она бросает взгляд на неподвижное тело подруги и всхлипывает.

— Пожалуйста, — улыбаюсь сквозь подступающие слёзы, — главное живи!

— Век не забуду, — она всхлипывает, — всё, что хошь, тебе сделаю. Ты мне жизнь спасла...

Неловко глажу её по спине. Странно: ещё сутки назад я была заведующей отделением, принимала и благодарности, и жалобы от пациентов как должное. А теперь сижу в вонючей камере, в чужом теле, в невообразимом прежде мире — и эта простая человеческая благодарность почему-то трогает до слёз.

— Всё хорошо, — говорю тихо. — Ты выкарабкалась, это главное.

По коридору раздаются шаги, тяжёлые, размеренные. Где-то лязгает железо и громкое эхо от звучного мужского голоса пролетает по тюремному коридору:

— Слушайте все, кто в камерах! Ночью отбывает северный эшелон! Нам нужны лекарки и их помощницы, кухарки, прачки, землекопы, плотники, подмастерья, носильщики! Кто добровольно пойдёт, получит имперское помилование и освобождение! Слышите, отребья? Вместо петли или каторги — служба на северном рубеже и жалованье! Подумайте хорошенько, у вас есть редкая возможность стать честными людьми и послужить императору! Через час обход и сбор желающих!

Шаги удаляются, голос стихает.

— Северный рубеж... — в голосе Няяны надежда. — Теперь я доживу до отправки! Уеду отсюда, жаль, что Мойра не сможет, — она смотрит на тело товарки.

— Нашла чему радоваться, — подаёт голос молельщица в линиялом платке. — Там же война, воины Арраноса... Говорят, они не знают жалости...

— Лучше арраносцы, чем верёвка или вернуться на улицы! — возражает девица. — Не от хорошей жизни я телом торговать стала, продали меня в бордель после смерти родителей, а хозяйка-то меня заставляла такие вещи делать, — и она качает головой. — Нет уж, если даровала мне лекарка вторую жизнь, проживу её достойно, стану кухаркой какой, потом вернусь в городок свой, замуж выйду, ребёночка рожу...

«Ребёночка... — откликается во мне. — Ребёночка... Я тоже рожу, у меня тоже будет...»

Как странно и необъяснимо, что между мной, врачом с высшим образованием и учёной степенью, и простолюдиной, зарабатывавшей на жизнь продажей своего тела, нет никакой разницы. Мы обе отчаянно хотим одного и того же — крепкой семьи и ребёнка, дитя, ради кого это всё не зря. Того, в ком будет наше продолжение...

— Я пойду с тобой, — смотрю на спасённую мной девушку.
— На Северный рубеж.

— Ещё одна! — качает головой и поджимает губы молещница. — Убьют вас там!

— Там-то, может, и выживет, — хрипло отвечает ей старуха, разглядывая меня подслеповатыми старческими глазами.

Я обхватываю колени руками, и думаю: «Северный эшелон, фронт, война... чужая война. Может, и права та женщина и это правда безумие? Кто в здравом уме пойдёт на войну беременной? Это всё равно что пойти на встречу смерти, снарядам, болезням, голоду, холоду... Как я выношу ребёнка в таких условиях?

Но с другой стороны...

Здесь меня не ждёт ничего хорошего, я уже на самом дне. Что впереди? пытки, допросы, ведь Рамон хочет выяснить мотивы, а я не могу сказать правду: ни про Эстер, ни про маркиза Фонтейна. А если и посмею, то убьют прямо в камере, мачеха ясно дала понять. Если буду молчать, будут пытаться, пока не заговорю. А потом всё равно казнят.

И если бы Рамону был нужен ребёнок, то можно было бы подумать о том, чтобы не рисковать, но... муженёк сказал: «Ребёнка не будет, ты ведь мне не истинная». Неужели он принудит, заставит...

Нет! — при одной мысли об этом восстаёт всё моё существо. — Нет! Ни за что! Это мой ребёнок, и даже если он не нужен отцу, то нужен мне!»

Чувствую щемящую нежность, что уже люблю это дитя, уже чувствую ответственность за маленькую жизнь внутри своего чрева!

«Но здесь со мной могут сделать всё что угодно, дать очередное зелье, и всё, нет моего малыша...» — внутри всё холодеет.

На фронте хотя бы есть шанс, к тому же там нужны лекарки и кто-то вроде санитарок. Я — врач, могу быть полезна. Могу затеряться, переждать, родить ребёнка где-нибудь в тыловом госпитале...

Вот тебе и на, долгожданная беременность, новая жизнь, а я... выбираю между молотом и наковальней.

Решение приходит само собой.

Поворачиваюсь к Няне:

— Ты сказала: всё, чего захочу?

Она кивает, глядя на меня блестящими влажными глазами.

— Выдай меня за свою подругу, — говорю тихо, — мне нужно попасть на северный эшелон. Так и отплатишь за своё

спасение.

Наяна хлопает глазами:

— Но... ты же знатная и с силой вон какой, сильная ведьма, целительница, неужто залог за тебя не внесут? Родичи не выкупят?

— Никому я не нужна, — голос звучит твёрдо, хоть внутри и разъедает чужая горечь. — И мой ребёнок тоже, только он и есть у меня, а я — у него.

Наяна молчит, переваривая услышанное, потом бросает взгляд на тело Мойры, накрытое грязной тряпкой.

— Я помогу, — говорит наконец. — Мойра... она тоже никому не была нужна. Ни семьи, ни дома, одна я у неё была. Скажем, что ты — это она, Мойра Сетт из квартала удовольствий. Документов у нас всё равно не было, все в борделе у мадам, а лицо... — она усмехается, — все мы тут для них на одно лицо, просто мясо.

— Спасибо! — я впервые чувствую надежду.

— Подумай хорошо, — подаёт голос женщина в платке.

Старуха вновь подаёт голос из своего угла:

— Чёй-то думать... Не сомневайся, девонька, слышала я, что мать твоя тебе говорила. Всё слышала, уши-то у меня ещё работают, — она смотрит на меня неожиданно острым, цепким взглядом. — Правильно делаешь, беги. Здесь тебя сожрут и не подавятся. А мы уж поможем, верно, Наяна?

Та кивает:

— Верно, поможем.

— Вижу, не злыдня ты, — продолжает старуха. — Лекарка, каких поискать, а такие на войне нужны, там за твой дар тебя не тронут, ценить будут. А здесь... — она сплёвывает на солому, — здесь тебя изнасилуют, будут пытать и убьют.

Смотрю на них — на беззубую старуху, на бывшую проститутку с запавшими щеками — и чувствую, как в груди что-то сжимается.

Кто бы мог подумать, что в холодном каменном мешке среди вони, грязи и несчастий я встречу такое понимание и помощь от чужих.

«Добро всегда возвращается, — вспоминаю старое, избитое выражение. — Возможно, это награда за мой душевный порыв, желание спасти чужую жизнь».

— Спасибо, — говорю вслух.

— Благодарить потом будешь, — отмахивается старуха. — Когда выберешься. А сейчас, подумать надо, что говорить... да и думай, как себя держать. Ты не знатная больше, теперь ты простая девка из порта.

— Я скажу, мол, в борделе у нас лекаркой была, — задумчиво говорит Наяна, — в борделях часто болеют, все знают.

— А ты скажи, мол, самоучка, авось помощницей лекарки, леицей какой да и возьмут, а про магию молчи, лучше в начале не говорить, пусть думают, что ты в борделе у девок грешное семя удаляла да после грязной болезни выхаживала.

Киваю, впитывая каждое слово.

— Поняла, спасибо.

— А теперь переодеться тебе надо, скажем, что новенькая от чумной хвори умерла, пусть тело сожгут, так, глядишь, и искать тебя не будут, — говорит старуха.

— Бабушка, — невольно проникаюсь к ней признательностью, — а вы-то с нами пойдёте?

— Ни к чему оно мне, за мной сын завтра из деревни придет, заберёт. Я ж как сюды попала, — улыбается она, — вельможу какого-то рядом со мной обокрали, а я ближе всех была, вот на меня и подумали. Завтра zenки городничий продерёт, начнёт разбираться, да и поймёт всё. А я уж сыну весточку послала, уверена, придёт мой Петер за мной, как же он мать бросит.

— Понятно, — мне отчаянно хочется сделать что-то для этой женщины, с таким теплом смотрящей на меня. — А может, помочь вам чем-то? Болит что?

— Да ничего мне не надо, — улыбается она, — ты на дочку мою покойную похожа, она тоже такая светленькая да красивишна была, первая девка у нас в деревне... Ты не думай даже, собой вон занимайся, саван свой переодевай, чай, времени немного осталось.

Я быстро переодеваюсь в поношенное, пропахшее чужим потом, болезнью и страданием платье. Няня проворно надевает тюремную робу на погибшую и уже начавшую приобретать восковый цвет подругу.

«Трупное окоченение начинается», — смотрю на худое,

измождённое тело со следами побоев, стягивая волосы в тугой узел.

Едва успеваю натянуть чужую одежду, как в коридоре снова раздаётся шум:

— Собираем добровольцев! Кто готов послужить и искупить свои грехи?

Сердце колотится как бешеное, от того, как я сейчас сыграю чужую роль, зависят жизни моя и моего ребёнка.

Шаги по коридору всё ближе, внутри всё тревожнее.

«Мойра Сетт, — повторяю про себя. — Меня зовут Мойра Сетт. Я удаляла грешное семя и лечила от грязной болезни».

Невольно кладу руку на живот и говорю тому или той, кто внутри: «Не переживай, я вытащу нас отсюда. Обещаю!»

Продолжат ли мои часики тикать или остановятся?

Тик-так, тик-так...

Мои дорогие!

Если вы как и автор любите истории про сильных и несломленных духом женщин, то...

Приглашаю вас в свою самую любимую и уже законченную историю про ещё одну попаданку, и какую...

Кого мы ожидаем увидеть? Врача? Повара? Адвоката?

Нет, зайки!

Нас ждёт *горячая история 18+* про эскортницу Кристину, попавшую в тело обещанной аристократки накануне свадьбы с brutальным, опасным и чертовски горячим графом!

Попаданка: из содержанки в графини

<https://litnet.com/shrt/eN3x>

Автор предупреждает, в книге есть *ооочень жаркие сцены*, и жаркие они не от погодных условий!

Скучно не будет, обещаю!

<https://litnet.com/shrt/AaQI>

Глава 7. Со дна

Женя

Шаги всё ближе, потом останавливаются. До нас доносятся обрывки чужого разговора: «добровольцы», «искупить», «уводи»... Неприятно лязгает металл замка соседней камеры, протяжно скрипит засов.

Шаги снова всё ближе, а мои нервы натянуты как струна. «Хоть бы всё получилось, хоть бы охранник был другой, не тот, что привёл меня сюда...» — мысленно молю всех известных и неизвестных богов.

Свет факела падает на две фигуры: жилистый крепкий мужчина в военной форме, слегка потёртом кожаном нагруднике, с коротким мечом на поясе и цепким взглядом человека, повидавшего многое. Позади него стоит тюремный страж с факелом, к моему облегчению, это не тот мужлан, что привёл меня сюда и шептал мерзости про ночную смену.

Выдыхаю, чувствуя, что пульс немного выравнивается: хотя бы не узнают, шансов выйти сухой из воды больше.

— Добровольцы есть? — голос военного сухой, командный.

Наяна делает шаг вперёд, тянет меня за руку:

— Мы! Мы хотим пойти в северный эшелон! Вот, вдвоём.

Вербовщик окидывает нас оценивающим взглядом, профессиональным, как у покупателя на рынке, прикидывающе-

го, стоит ли товар своих денег. Скользит по откровенному цветастому платью Наяны, переключается на меня, разглядывает лицо, останавливается на руках.

— Кто такие, что умеете? — он явно понял, чем мы с Наяной занимались раньше, такое пренебрежение сквозит в каждом слове, мол, чего ждать от таких.

Страж шуршит какими-то бумажками, подносит их к факелу:

— Это из борделя девки: Наяна Балът и Мойра Сетт.

«Мойра Сетт, — повторяю про себя. — Я — Мойра Сетт из квартала удовольствий».

— Да, — кивает Наяна, голос её звучит ровно, уверенно. — Я при борделе работала, мужиков обслуживала, а Мойра вот наша лекарка была, много девок спасла.

— Лекарка? — вербовщик прищуривается и разглядывает меня внимательнее. В глазах сквозит недоверие, но и интерес, не мужской, слава богу. — Правда? Что умеешь?

Выпрямляюсь, смотрю ему в глаза: «Говори уверенно, но просто. Не как врач с учёной степенью, а как деревенская самоучка».

— Перевязки делать умею, раны промывать и обрабатывать, за хворыми ухаживать. Доводилось в деревне мужикам и раны латать, и от лихорадки выхаживать, и... — делаю паузу, — в заведении непотребном женские дела улаживать.

Вербовщик хмыкает. Какие в борделе «женские дела», понятно без лишних слов.

— Училась где? — в голосе уже больше интереса, чувствую, что чаша весов клонится в мою сторону.

— Самоучка я, — пожимаю плечами, — сызмальства за бабкой хворой ухаживала. Потом лекарка деревенская обучала, пока жива была, травы разбирать учила, отвары да припарки делать... ну, и грешное семя из девок вытравливать...

— Похоже на правду, — вояка кивает, потом поворачивается к Наяне. — А эта что умеет, кроме как ноги раздвигать?

Наяна вся как-то сжимается, опускает глаза. Вижу, как дрожат её пальцы, как она силится что-то сказать, но слова застревают в горле, всю бойкость как рукой сняло. Понимаю: для неё это больное место, незажившая рана.

«Не от хорошей жизни в борделе я оказалась», — вспоминаю её слова и мечты о честной спокойной жизни не на улице.

— Кухарит она знатно, — быстро говорю я, не давая повиснуть неловкой паузе. — На весь бордель готовила, пока кухарки не было. Из ничего могла сварганить такое, что за уши не оттащишь. И экономная — хозяйка её за это ценила.

Наяна бросает на меня благодарный взгляд, кивает:

— Верно... стряпать я люблю, с детства при печи выросла. Только вот мадам наша считала, что я не кухаркой монет больше приношу, потому кухарила у нас другая, а я так, на подмену...

Вербовщик смотрит на нас ещё мгновение, потом машет рукой:

— Сойдёт! Забрать их, переодеть, отмыть и в обоз со всеми, уедут с этой отправкой, у нас недобор, лекарок вообще не хватает... Ещё желающие есть? — он обводит взглядом убогую камеру.

— Нет, только мы, — шмыгает носом Няяна.

— А ну, посвети! — мужчина кивает стражу.

Тот поднимает факел выше и тянется ближе к решёткам, освещая неприглядную картину самого дна общества этого мира. По лицу вояки пробегает тень безразличия.

«Это тебе не ковры и витражи в доме бывшего мужа, — со злостью думаю я, — а каменный пол, прелая солома и вонь — дно».

— На выход! — страж уже тянется к замку, но вдруг вояка его останавливает, указывает пальцем в глубь камеры:

— А эта что? — луч света падает на неподвижное тело настоящей Мойры Сетт в тюремной робе, лежащее на соломе лицом к стене.

Сердце ухает вниз, кровь стучит в ушах: «Господи, помоги! Дай выбраться из этого ада!»

— Спит, — хрипло бросает старуха из своего угла. — Зельем каким-то, видать, опоили её, перед тем как сюда привели. Так и дрыхнет, zenки не продирает.

«Пожалуйста, поверь и не трогай!»

— Эту дракон сюда посадил, — тихо говорит ему охранник, — её не велено трогать, допрос завтра у неё, самого Луито вызвали.

По спине пробегают мурашки от ужаса при одной мысли о допросе.

Вербовщик равнодушно пожимает плечами:

— Понятно. Ну и пёс с ней, драконьих подстилок трогать не будем, пусть с ней крылатый сам разбирается.

Меня бросает в дрожь. «Подстилка драконья» — это обо мне. Даже не жена, хотя Илана ещё жена Делейни. Хотя... если он так по-свойски распоряжается в тюрьме и раздаёт указания направо и налево, не удивлюсь, если наш брак уже аннулирован.

«Господи, ну и в переплёт же я угодила!» — стискиваю зубы, чтобы не выдать себя, смотрю в пол.

Дверь камеры со скрипом открывается.

— Пошли, — страж кивает нам.

Выхожу из камеры, стараясь не оглядываться на тело в робе — на труп Мойры, который теперь «Илана Делейни». Успеваю только благодарно одними губами шепнуть старухе:

— Спасибо.

Она едва заметно кивает, и в её выцветших глазах мелькает что-то тёплое.

Нас ведут по тёмным коридорам, мы будто идём по катакомбам, гулким, холодным и страшным. Но вот мы в очередной раз сворачиваем и коридоры становятся чуть шире, а факелов больше. А через несколько шагов мы оказываемся в тюремной купальне — просторном помещении с каменными лавками вдоль стен и большими деревянными лоханями

с водой. Пар поднимается к низкому потолку, пахнет щёлком и чем-то травяным.

Здесь уже несколько женщин — все с печатью нелёгкой судьбы на лицах. Измождённые, некоторые в синяках, с пустыми глазами. Воровки, попрошайки, такие же, как мы, — те, кому некуда больше идти, кто готов рискнуть жизнью на войне, чтобы, если повезёт, выжить и вернуться к нормальной жизни.

Мы с Наяной держимся вместе, находим свободную каменную лавку в углу. Надзирательница, грузная тётка с красным лицом, швыряет нам по бруску серого мыла:

— Мойтесь живо! Вошек чтоб не было! Нам зараза не нужна, и так хворей хватает!

Раздеваюсь, стараясь не думать о чужих взглядах. Вода тёплая, мыло жёсткое, царапает кожу, но мне всё равно. Я смываю с себя тюремную грязь, вонь камеры, страх последних часов.

Наяна трёт мне спину, я — ей, молча, сосредоточенно. Никаких лишних слов. Стараюсь держаться поближе к новой подруге: среди заключённых с суровыми взглядами и уличными повадками чувствую себя незащищённой.

После купальни нам выдают одежду: простые серые платья из плотного хлопка, нижние рубахи, крепкие кожаные ботинки на шнуровке, тёплые шерстяные плащи с капюшонами. Всё не новое, но чистое и целое.

— Каждой по два комплекта, — бурчит надзирательница.

— Один — на себя, один в — мешок. И чтоб берегли, другого не будет!

Одеваюсь, затягиваю шнурки на ботинках. Руки дрожат от напряжения, но я справляюсь.

«Мойра Сетт, — повторяю про себя как мантру. — Лекарка из борделя. Самоучка. Никто».

Нас выводят во двор, где уже стоят обозы — крытые повозки, запряжённые крупными вороными лошадьми с лоснящейся чёрной шерстью. «Дуранские вороные, особенная порода, быстрая, выносливая», — просто знаю я.

Несмотря на глубокую ночь, на улице светло, тюремный двор освещён факелами, и в их неровном свете вижу: женщин много, несколько десятков. Все в таких же серых платьях, с мешками в руках, с одинаковым выражением затравленной надежды на лицах.

Вербовщик — тот самый, жилистый — стоит у первой повозки с каким-то списком. Пересчитывает, сверяет, вычёркивает.

— Наяна Балът!

— Здесь! — Наяна делает шаг вперёд.

— Мойра Сетт!

— Здесь, — мой голос звучит ровно, хотя внутри всё сжимается.

Он смотрит на меня мельком, ставит галочку в списке:

— В третью повозку, обе.

Забираемся внутрь узкой с зарешеченными окнами таран-

тайки, там уже сидят несколько женщин, жмутся друг к другу. Мы с Наяной устраиваемся у заднего борта на жёстких деревянных лавках и замираем. Ждём.

Минута, другая, снаружи идёт монотонная переключка, к нам в обоз входят ещё три женщины. Вербовщик заканчивает переключку, что-то вполголоса говорит стражу, а затем наконец кричит вознице:

— Трогай!

Повозка дёргается, скрипят колёса, лошади мерно цокают копытами, и тюремные ворота остаются позади. Потом — тёмные улицы ночного города, редкие фонари, закрытые ставни домов. Копыта стучат сначала по брусчатке, потом звук меняется — мы выезжаем на просёлочную дорогу, и лошади набирают скорость.

Только когда стены Антаса скрываются за поворотом, когда вокруг остаются лишь поля и перелески в бледном лунном свете, я наконец-то выдыхаю: «Выбралась! Получилось!»

— Спасибо, — шепчет Наяна, придвигаясь ближе. — Без тебя меня б ни за что не взяли кухарить. В эшелонные шлюхи бы записали, а я... я больше не хочу. Не могу.

— Тебе спасибо, — шепчу в ответ. — Главное — мы выбрались.

— Да, — она кивает, и в её глазах блещут слёзы. — Будем держаться вместе и дальше, ладно? Я тебе век благодарна буду. Из такого дна ты меня вытащила...

— Со дна, — машинально поправляю её.

— Чего?

— Говорят «со дна», а не «из дна».

Наяна тихо смеётся:

— Да как угодно! Ты образованная, лекарка, тебе виднее!

Невольно улыбаюсь простой искренней радости на лице своей невольной подруги по несчастью и сжимаю её тёплую руку.

Смотрю на проплывающие мимо тёмные силуэты деревьев, на разноцветные звёзды чужого мира и вдыхаю полной грудью, чувствуя не только запах казённой повозки, но и разнотравье, лес.

«Со дна, — думаю я. — А ведь и правда, я побывала на самом дне. Ниже некуда: чужой мир, чужое тело, тюрьма, предательство, угроза пыток и смерти...»

Кладу руку на живот, внезапно чувствую себя счастливой: там, внутри, моё дитя, мой смысл.

«Что ж, — говорю себе, — хватит с меня, теперь я оттолкнулась, мы с тобой поднимемся с этого дна».

Повозка качается на ухабах, лошади мчат как сумасшедшие, вокруг дремлют измученные женщины, рядом мирно посапывает Наяна. Я тоже закрываю глаза и впервые за эти безумные сутки чувствую что-то похожее на надежду.

Тик-так, тик-так...

Часики снова тикают, и пока они тикают, я живу и борюсь!

Не время страдать или тонуть, время всплывать наверх!

Мои дорогие!

Приглашаю вас в свою ЗАВЕРШЁННУЮ тёмную сказку о сильной женщине.

Всепрощальницы - мимо, наша попаданочка - не прощает муда... вы поняли!

Галя - бывший майор ФСБ, погибшая при исполнении и оказавшаяся в теле опороченной невесты дракона. А наши женщины всем воздадут по заслугам, а особенно жениху-предателю.

Даже если он - чертовски горячий и соблазнительный... дракон!

История, от которой вас разматает!

Бестселлер Литнет для девочек 18+

Злодейка отомстит. Твоя очередь, дракон!

<https://litnet.com/shrt/3les>

ОЛЬГА ЛИ

Читаем, летаем на драконах и сладко мстим!

Здесь: https://litnet.com/shrt/iwt_

Глава 8. Разбитые надежды

Рамон

Луиза выгибает спину и подаётся навстречу, мои пальцы впиваются в нежную кожу бёдер, пока её пальцы комкают шёлковую простыню:

— Да, мой дракон... да-да-да... — громко стонет любовница.

Ускоряюсь, вбиваясь в неё жёстко, почти грубо, без нежностей и церемоний. Она стерпит всё, все они терпят... Готовы на всё, что я делаю с ними, лишь бы брал ещё и ещё. Каждая, неважно человек, ведьма или драконица, хочет почувствовать на себе драконий жар, думает, будто она особенная... С Луизой всё именно так, просто и понятно, никаких игр.

Наматываю длинные светлые волосы на кулак, запрокидываю ей голову и кончаю, рыча сквозь стиснутые зубы. Несколько мгновений не двигаюсь, потом выхожу из неё и падаю на смятую постель, отрешённо смотрю в потолок.

Любовница тут же прижимается ко мне, обвивает рукой, кладёт голову на грудь.

— Я скучала по тебе, Рамон, — мурлычет она и нежно проводит пальцами по слегка вспотевшей после секса коже.

— Я тоже, — небрежно лгу.

Я ведь совсем не скучал и вообще ничего не чувствую,

когда она рядом. Просто тело, просто разрядка, просто способ удовлетворить физические потребности и заглушить душевную боль.

«Боль, которую причинила Илана», — мысль о пока ещё жене приходит снова, никуда её не запереть, не спрятать от самого себя. Стискиваю зубы до скрежета.

Илана... та, которой доверял, и та, что жестоко обманула меня. Она так же льнула ко мне, после секса водила руками по груди, иногда шептала слова любви и каждое из них было точно глоток воды для путника в иссушенной пустыне, и я млел, будто глупый мальчишка, будто деревенский дурачок.

Ведь с Иланой всё было иначе, не так как с другими.

С этой девушкой я был так нежен, что сам себя не узнавал. Боялся сделать ей больно, боялся сломать эту хрупкую чистую девочку с золотыми волосами и доверчивым взглядом. Боялся, что моя драконья сила, мои грубость и неуёмный пыл разрушат что-то светлое в ней.

Зря переживал: она оказалась совсем не той, за кого себя выдавала. Юной ведьме, так невинно хлопающей глазами и застенчиво лепечущей своё имя на светском мероприятии, где я впервые её увидел, удалось обвести меня вокруг пальца. Я пропал, едва её увидел, не хотел отпускать, дракон внутри тут же захотел присвоить её себе. После того приёма я думал о златовласой красавице всю ночь и утром первым делом послал за цветами для неё. А потом не стерпел и пошёл прогуляться в ту часть города, где редко бывал: всё на-

деялся, что увижу её на прогулке. И увидел, с радостью отметил, что небезразличен ей, она так смущённо улыбалась, так трепетно принимала предложенную мною руку.

А как я был счастлив, когда на её плече вспыхнула моя метка...

— Я томилась по тебе, мой дракон, никого к себе не подпускала, ждала, что ты опомнишься и вернёшься... — Луиза нашёптывает какой-то любовный бред, а я снова погружаюсь в воспоминания о совсем другой женщине. Точнее, они накатывают сами собой...

Тот день, когда проявилась метка, я помню так отчётливо, будто это было только что, каждое мгновение будто высечено в памяти, даже запах первых весенних цветов в городском саду, где впервые осмелился поцеловать её, кажется, ещё ощущаю. Кто бы мог подумать, что Рамон Делейни, заполучить которого мечтает половина незамужних девиц Антаса, будет робеть перед женщиной!

Я улучил момент, когда сопровождающая нас гримза отвлеклась на какую-то толстуху и утянул Илану из-под бдительного ока зоркой гувернантки, чтобы прикоснуться к медовым устам желанной. Какое же блаженство я почувствовал, когда Илана запустила руку мне в волосы и ответила на поцелуй! А когда она вскрикнула и схватилась за плечо... я не мог поверить своему счастью.

«Истинная», — я тут же обнажил нежное молочное плечо и чуть не закричал сам, когда увидел тёмно-синюю метку.

«Мой знак на Илане! Она — моя!» — всё внутри звенело от восторга, мир тогда будто засиял тысячей неведомых прежде цветов, ведь я ждал истинную всю жизнь. Обладал многими женщинами: благородными леди, драконницами, ведьмами и простолюдинками, но ни с одной метка не проявлялась. Я уже смирился, что обречён, что проклятье отца никогда не снять, что умру бездетным, последним в своём роду. А потом появилась она, Илана Вален, хрупкая, светловолосая, с глазами цвета неба и такая юная, только что из пансиона. Она показалась мне такой невинной, такой чистой...

Сам не свой от радости я тут же пришёл в дом Валенов просить её руки, хотя мог бы взять Илану не спрашивая, просто по праву истинности. Просто потому что я — сильный дракон, занимаю не последнюю в империи должность, и мне... можно почти всё! К тому же Илана явно была не против, истинная так и светилась от счастья, когда я держал её за руку и шептал, что женюсь.

— Да-да-да, я хочу этого больше всего на свете, — краснея отвечала она. — Хочу быть с... тобой!

Это «с тобой» вместо привычного церемонного «вы» заставило меня почувствовать себя на вершине блаженства. Конечно же я захотел соблюсти все церемонии, отнестись с уважением к ведьминским традициям. И вот в тот же день в светлой гостиной я предстал перед Эстер Вален.

— Госпожа Вален, — сказал я, едва пройдя в комнату,

ответив на вежливое приветствие вечно недовольной матроны. — Я пришёл просить руки вашей дочери. Илана — моя истинная, сегодня на ней проявилась моя метка!

Глаза Эстер слегка расширились от удивления, она смотрела на меня как и всегда, будто не доверяет, ждёт подвоха.

— Н-но...

— По драконьему праву Илана уже моя, — продолжил жёстким, не терпящим возражений тоном. — Я мог бы забрать её в свой дом сегодня же, прямо сейчас и не спрашивать вас. Но я уважаю семью будущей жены и поэтому чту ведьминские традиции, прошу как полагается у вас: отдайте мне вашу дочь в жёны.

Эстер склонила голову:

— Что ж, лорд Делейни, я, конечно, не ожидала, но... Вы же истинные... Посему благословляю ваш союз.

Илана смотрела на меня огромными глазами, и в них было столько... Чего? Любви? Страху? Надежды?

Теперь-то я понимаю, что не любви. Мерзавка прекрасно знала, что вся эта истинность — ложь.

А на следующий день, солнечный, погожий, с лёгким ветром, я повёз её кататься по городу.

Впервые мы поехали одни, без вездесущей гувернантки, без матери. Эстер теперь смотрела на меня более благосклонно и отпустила Илану, «чтобы свет знал, что Рамон Делейни встретил истинную, — улыбаясь сказала она, — что скоро Илана Вален станет носить фамилию Делейни».

Мы катались по Антасу в моём открытом экипаже, и все видели, кто сидит рядом со мной, скользили завистливыми взглядами по ослепительно-красивой девушке, приветственно снимали шляпы.

«Моя! — рычал дракон каждый раз, когда я смотрел на неё. — Пусть все знают!»

А потом, не в силах выдерживать обжигающую и манящую близость истинной, я прошептал на ухо Илане:

— Я хочу, чтобы ты... стала моей окончательно...

Девушка густо покраснела, а потом крепко сжала мою руку и сказала то, на что и не смел надеяться, по крайней мере не так быстро:

— Я хочу быть твоей больше всего на свете! Хочу, чтобы всё было по-настоящему!

Я тут же послал кучера домой и направил вороных за город в тихий семейный охотничий домик. Драконья мать, как я нервничал, словно распалённый юнец, а не взрослый опытный дракон.

Когда мы вошли в дом, Илана посмотрела на меня и прошептала так, будто боится:

— Рамон...

И я не выдержал, притянул её к себе и поцеловал в сладкие уста, она ответила, да так, что земля ушла из-под ног. И вот я уже расшнуровал платье, уложил трепещущую Илану на кровать и покрыл всю её поцелуями. Она дрожала, но не от страха — от желания, я это чувствовал по тому, как льну-

ло ко мне податливое молочное тело любимой...

— Это впервые, — прошептала она.

— Я буду нежен... — ответил я ласково.

Когда я вошёл в неё, она вскрикнула, коротко, сдавленно. Я замер, давая ей привыкнуть к себе, а потом начал движение, медленно, плавно, боясь причинить боль. Поцелуями собирал слёзы, выступившие у неё на глазах, шептал что-то нежное, глупое, то, что никогда не говорил ни одной женщине.

А потом, когда всё закончилось, увидел пятна крови на светлой простыне и меж нежных бёдер. Она действительно была девственницей, я стал её первым.

Я был так счастлив в тот момент, так горд. Моя истинная — чистая, невинная, только моя, не знавшая другого мужчину...

Или это тоже было ложью?

Луиза спрашивает какую-то глупость, и я открываю глаза, возвращаясь в реальность, что-то ей отвечаю, улыбаюсь, наблюдая, как она сидит рядом и призывно облизывает губы.

«Интересно, — наблюдаю, как в неверном свете утренних сумерек любовница проводит руками по соблазнительному и хорошо знакомому телу, — а девственность Иланы была настоящей? Или она и тут использовала какие-нибудь ведьминские штучки? С неё станется... Может, всё было подделкой: и кровь, и мнимая боль, и слёзы, и стоны...»

Я уже ничему не удивлюсь, ведь каждое слово, каждый

взгляд и прикосновение были фальшивыми, полтора месяца я жил в сказке, которую ведьма искусно сочинила для меня. А я и поверил, потому что хотел, потому что решил, что проклятье рода наконец-то отступит и у меня будет семья, настоящая, полная семья, с детьми, с наследником...

«Наследник... больше всего, больше всего мне жаль, что мой ребёнок так и не появится на свет... Проклятье не даст...» — чувствую, как на душе становится холодно будто в морозный день.

Ведь надо мной тяготеет семейное проклятие, что наложили на род Делейни из-за отца, и я обречён так же, как и мой старший брат, что отбыл странствовать в поисках истинной после предсказания оракула. Мы оба можем лишь смотреть, как умирают наши дети, не успев родиться, погибают ещё во чреве матери... Так уже было: дважды женщины выкидывали детей от меня, от проклятия не сбежать никому... Но почему-то при мысли о том, что именно дитя Иланы погибнет, мне особенно тошно.

«Может, и беременность она имитировала, чтобы покрепче привязать меня к себе? С ведьм станется, у них есть зелья на любой случай... Даже лекарь может ошибиться», — тлеет в груди надежда.

Впрочем, сегодня допрос. Всё и узнаем.

Луиза целует меня в шею, потом спускается ниже, её губы скользят уже по моему животу, чувствую, как тело откликается, как восстаёт плоть.

Закрываю глаза и позволяю ей делать своё дело, сейчас третьему генерал-дракону Рамону Делейни очень нужно забыться. Пусть хоть так, в объятиях никогда не любимой мною женщины, зато мне не будет больно... А чувства к Илане пройдут, хоть в кабинете Горена я и почувствовал к ней притяжение, почти как в первые дни нашего знакомства, даже проявил слабость и распорядился одеть её, но всё это лишь отголоски бывшего чувства. Ведь никакая она мне неистинная, а лгунья и интриганка.

Через пару часов у меня встреча с Луито. Он умеет развязывать языки. Узнаем, кто стоит за этим обманом, кто снабдил зельем, кто направлял её руку.

А потом... потом она заплатит, как бы не старалась внушить мне любовь.

Солнце отвоёвывает своё время у утра, когда карета останавливается у тюрьмы, мрачного серого здания с решётками на узких окнах и запахом сырости, который чувствуется даже когда ещё не вошёл внутрь. Я бывал здесь не раз — привозил пленных после сражений, сдавал их Луито и его людям.

Сам Луито уже ждёт в допросной, приземистый и крепкий, с цепким взглядом и грубыми пальцами, которые так умело обращаются с пыточными инструментами. Мы знакомы давно, он допрашивал многих, кого я брал в плен, и всегда получал ответы на вопросы.

— Лорд Делейни, — он склоняет голову в приветствии.

— Господин Луито, — киваю в ответ.

— Ну-с, — он потирает руки, — где ваша же... гхм, наша преступница? Выведаем, что подвигло... леди подделывать метку истинности и кто снабдил её зельем или навёл чары. Каратели уж давно скучают, говорят, раньше больше работёнки было.

Он усмехается, и от этой усмешки у большинства людей кровь стынет в жилах. Но не у меня, сейчас я хочу только одного — правды. И мне всё равно, какой ценой.

Дверь открывается, входит Горен, и его встревоженный вид, испарина на лбу мне совсем не нравятся.

— Л-лорд Делейни, — он слегка заикается, и в его глазах мелькает страх. — Г-господин Луито... приветствую...

— И вам не хворать, — не церемонюсь я. — Где Илана, почему ещё не здесь?

Горен бледнеет, переминается с ноги на ногу.

— В-видите ли, милорд... Г-госпожа Делейни... то есть, Вален... Она...

— Что?! — нехорошее предчувствие внутри становится всё ощутимее.

— Она умерла, милорд, её в одночасье одолела чумная хворь. Мне только что доложили: её тело отправили к печникам, и сейчас сожгут в чумной печи.

Мир вспыхивает яростью.

— Что?! — взрываюсь я, чувствуя, как на руках проступает чешуя. — Она не болела никакой чумной хворью! Как смогла так быстро умереть?!

— Н-не могу знать, милорд... — Горен отшатывается, будто от удара. — Стража доложила утром, что заключённая не дышит, лекарь констатировал смерть от чумной болезни, и, как должно при чуме, её тотчас направили на сожжение, дабы не допустить распространения заразы, как в прошлом году...

— Отставить сожжение! — рывкаю я, срываясь с места. — Немедленно! Я должен убедиться, что это она!

Горен семенит за мной по коридорам, что-то лепечет про чумные правила, но я не слушаю.

Внутри бушует ледяная ярость: «Как ты посмела умереть до того, как я узнал правду!»

Внутри ярким пламенем пылает гнев дракона и... неожиданный страх, что Иланы и вправду не стало...

Мои дорогие!

Приглашаю вас в свою историю про лекарку, которая однажды спасла дракона и...

очень дорого за это заплатила.

А потом в её теле оказалась... железная Света из Бобровки.

И Света будет счастлива ,вопреки всему!

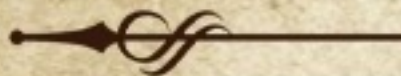
Как? Читаем здесь:

Проданная. Лекарка бывшего дракона (18+)

<https://litnet.com/shrt/8iOo>

Лекарн

Я ВЫ

Д

Попала в тело опороченной лекарки с новорожденным драконёнком на руках?

Ничего, сына выращу, дело открою и...
всё перевернут плен и рабство.

Читаем, влюбляемся, исцеляемся от душевных ран, здесь:

<https://litnet.com/shrt/vDKZ>

Глава 9. Война началась раньше

Женя

Повозка несётся по просёлочным дорогам, уже вечереет, а я, поглощённая тревожными мыслями о том, что Рамон будет меня искать, всё пытаюсь придумать, что делать дальше. К тому же ела я последний раз утром, на коротком привале нам раздали куски хлеба с сыром, и сейчас я голодна так, что сосёт желудок, но о новом привале и еде пока никто ничего не говорил.

«Нужно попытаться уснуть», — закрываю глаза, считаю овечек и наконец-то проваливаюсь в сон, который оказывается воспоминанием Иланы.

Экипаж Рамона останавливается у дома Валенов. Вечер, золотистый закат заливает улицу, в воздухе пахнет цветами — самая что ни на есть умиротворяющая атмосфера. Но в груди Иланы полыхает пожар: то, что случилось сегодня между ней и Рамоном, занимает все её мысли и чувства.

Дракон помогает Илане спуститься, его рука задерживается на тонкой талии. Девушка чувствует жар его ладони сквозь ткань платья, чувствует, как горят щёки от стыда, от счастья, от того, что между бёдер всё ещё саднит после их первой близости.

— Как ты себя чувствуешь? — он смотрит на неё с такой нежностью, что сердце стучит быстрее, хотя быстрее, кажет-

ся, уже невозможно. — Я не сделал тебе больно?

— Нет, — шепчет она, хотя ей было больно, особенно вначале. Но эта боль была сладкой, правильной, желанной. — Всё хорошо.

Он наклоняется к её уху:

— Я хочу видеть тебя и быть с тобой завтра, послезавтра, каждый день... Всю жизнь!

— Да, — выдыхает она, едва сдерживая слёзы счастья. — Я тоже!

Серые глаза вспыхивают золотыми искрами, возлюбленный смотрит на Илану так, будто она — единственное, что важно для него во всём мире.

«Он чувствует то же, что и я, — блаженство переполняет девичье сердце, — он любит меня. Никакое зелье здесь ни при чём!»

Не скрываясь, на глазах у завистливых кумушек, выглядывающих из соседних домов, Рамон целует её, да так, что земля вновь уходит из-под ног.

«Пуškai! Пуškai все видят! Он — мой, он — тот самый», — думает Илана, глядя ему вслед, и взмахивает рукой в прощальном жесте, когда экипаж отъезжает, весело постукивая по брусчатке.

«Рамон Делейни предначертан мне судьбой, метка истинности — всего лишь формальность. Подтверждение того, что и так было бы правдой», — твердит себе Илана, поднимаясь в дом по ступенькам.

Она заставляет себя верить в это, не желает допустить и мысли, что всё, что было и будет между ними, — ложь.

Встречи с Рамоном продолжались полтора месяца до свадьбы. Каждый день он приезжал и дарил ей свои внимание и любовь, касался рукой под столом во время ужинов, то и дело обращался только к ней, словно одно её мнение имело значение для него.

И конечно же пылкий генерал страстно желал Илану. Каждый день под тем или иным предлогом они оказывались наедине, иногда ограничиваясь просто поцелуями, но чаще — жадно сливаясь в сладкой близости. Иногда днём, в том самом охотничьем домике за городом, куда он увозил её под предлогом прогулки. Иногда ночью, когда она сбегала из своей комнаты через окно, а он поджидал её в тени старого дуба на соседней улице.

Полтора месяца страсти, нежности, любви и лжи пролетели как один миг.

Но Илана не замечала ничего, каждое утро, принимая каплю зелья, девушка думала лишь о том, как возлюбленный смотрит на неё, как шепчет: «Илана, любимая», как его руки скользят по её телу...

«Он любит меня, по-настоящему, как и я люблю его. Разве это не важнее любых меток?» — убеждала она себя, когда возвращалась в свою постель после тайных жарких ласк, и вновь вспоминала, как он брал её: всегда осторожно, трепетно, как будто боится причинить боль.

Чувство вины было спрятано глубоко, задавлено её беззаветной любовью к Рамону, и Илана позабыла о том, что сделала. Просто пила тёмно-красную жидкость из заветного пузырька каждое утро подобно тому, как я пила ежедневно перед завтраком витамины из пластиковой белой баночки, что стояла на кухне у чайника...

БАММ!

Просыпаюсь от грохота — резко сажусь. Сердце колотится, внизу живота тлеет непрошеное желание — отголосок чужих воспоминаний и чужих страстей.

— Нечистый раздери! Что происходит?! — Няяна с круглыми от ужаса глазами хватает меня за руку.

Выглядываю из зарешеченного окошка и вижу лишь хаос вокруг. Женщины в повозке кричат, лошади громко и испуганно ржут, нас нещадно трясёт. Из-под копыт летят комья грязи, кажется, мы свернули с дороги и мчимся по какому-то полю.

Конвоиры встревоженно кричат:

— Перезаряжай!

Лязгает железо, раздаются непонятные щелчки и свист, а потом откуда-то сбоку взмывает огненная стрела.

Увидев, куда она летит, я замираю...

В вечернем небе, расчерченном вспышками пламени, кружат... драконы! Огромные, с размахом крыльев в десятки метров, с чешуёй, отливающей в закатных лучах то багровым, то чёрным. Они пикируют, изрыгая потоки пламе-

ни, взмывают обратно, снова опускаются ниже. В них летит град стрел, где-то сбоку с рёвом стреляет огромная железная махина, похожая на средневековую пушку. В ответ один из драконов грозно рычит, а потом сверху мелькает что-то нестерпимо яркое и ослепительной кометой летит вниз, в нашу сторону.

— Арраноские ублюдки! — кричит кто-то. — Они сбрасывают Проклятое пламя! Всем укрыться!

Смотрю на небо, не в силах оторвать взгляд, всё кажется нереальным, как будто сижу в огромном кинотеатре и смотрю в суперреалистичной съёмке какой-то ремейк «Игры престолов».

Раздаётся взрыв, в ушах звенит, повозка делает кульбит и переворачивается, дым застит всё вокруг, паника внутри ревёт похлеще драконов в небе.

«Господи боже, это по-настоящему!» — чувствую боль от удара правой щекой, звенит в левом ухе, кажется, я им не слышу...

Рогожку, которой была накрыта наша повозка, уносит ветром, сквозь решётки вижу, как чёрный дракон с алыми прожилками на крыльях проносится над нами. Волна горячего воздуха бьёт в лицо.

«И Рамон такой же, — почему-то вспоминаю бывшего мужа. — Он тоже может превращаться в это. В эту силу, в это пламя».

Что-то кричит Наяна, я оборачиваюсь и вижу кровь на её

лице — у подруги по несчастью рассечена бровь. Машинально отрываю кусок ткани от подола своего платья, сворачиваю в импровизированный тканевый тампон и прикладываю к месту рассечения.

«Спасибо», — не столько слышу, сколько понимаю по движению губ подруги.

«Я была замужем за самым настоящим драконом... — посреди самого настоящего сражения крылатых ящеров и людей стучит в голове непрошенная мысль о наверняка уже бывшем муже. — Не я, — поправляю самоё себя, — Илана».

«Ну, так Илана — это теперь я...» — здесь, в сердце сражения в чужом мире, я окончательно принимаю то, кем стала.

Дверь нашей повозки болтается на одной петле, одна из женщин выползает, а потом, оглядев нас бешеными глазами, бежит к краю поля, туда, где высятся огромные, наверняка многовековые деревья.

Рядом грохочет ещё один взрыв, левое ухо снова слышит. Да, как сквозь ватную пелену, но слышит.

А потом кто-то кричит:

— Помогите! Раненые! Нужна помощь!

И что-то щёлкает внутри меня, невидимый тумблер переключается, и в мозгу лишь одна мысль: «Я могу помочь!»

Выползаю из повозки, подбираю юбки и бегу, но не к лесу, как та дезертировавшая, а на голос, не думая, не размышляя, на одних рефлексх — тех самых, что вбивались годами

дежурств в приёмном покое, ночными сменами на скорой, бесконечными часами в операционной.

Сквозь дымный чад войны вижу пожилого мужчину с потрёпанной кожаной сумкой. «Врач, — сразу понимаю и тут же исправляю самоё себя: — Не врач, а лекарь».

Это видно сразу, без слов и вопросов: седые растрёпанные волосы, очки в железной оправе, руки по локоть в крови. Он склонился над раненым, быстро накладывает повязку. Рядом стонет ещё один солдат, юный, почти мальчишка, из бедра торчит обломок стрелы, кровь хлещет толчками.

«Артерия», — автоматически определяю я.

— Я лекарка! — кричу, падая на колени рядом с мальчишкой. — Я помогу!

Старик поднимает голову, окидывает меня быстрым оценивающим взглядом:

— Бинты, целебная вода и живая мазь в сумке, — коротко бросает он и возвращается к своему раненому. — Действуй!

Киваю, хватаю сумку, руки работают сами: пережать артерию выше раны, оценить глубину, решить, вытаскивать стрелу или нет.

И вдруг внутри поднимается что-то ещё — тёплая волна из груди, из того места, где живёт магия. Она течёт из самого сердца по всему телу, овладевает мной, заполняет собой, и я вдруг знаю — просто знаю, хоть это и чужие знания, — что вот эта склянка с зеленоватой жидкостью — заживляющая мазь, а вот в этой бутылке — чистая особая, «живая» вода

для промывания ран.

Работаю быстро, профессионально, извлекаю обломок стрелы, накладываю жгут, поглядывая на лицо пациента.

Он вот-вот потеряет сознание.

— Не закрывай глаза, смотри на меня! — бью его по щекам.

Он вздрагивает, но глаза остаются открытыми.

«Мальчишка борется!» — чувствую радость.

Быстро промываю рану, щедро обрабатываю мазью и чувствую, как магия сама течёт через мои пальцы, как ткани под руками начинают срастаться быстрее, чем должны.

— Держись, — шепчу бойцу. — Будешь жить, я с тобой, не брошу, вытащу!

Он смотрит на меня мутными от боли глазами и кивает, пока я накладываю повязку.

— Сюда! — кричит пожилой лекарь, указывая на ещё одного раненого. — Быстрее!

Хватаю сумку и бегу, на ходу кричу:

— Наяна, иди помогать!

И Наяна, несмотря на страх и панику в глазах, идёт, не убегает от войны, а отважно шагает в самое её сердце за мной.

Я не знаю, сколько длятся чад, смрад и взрывы. Время замедляется, есть только я, седовласый лекарь, Наяна, наша сумка с медикаментами и бесконечные раненые, которых нужно спасти во что бы то ни стало в этой крошечной тьме,

озаряемой вспышками.

Всё остальное неважно.

Сражение заканчивается перед рассветом, чёрные драконы отступают под натиском прибывшего подкрепления — синие и бирюзовые имперские боевые драконы гонят их прочь, и небо постепенно очищается от огня.

Я сижу на перевёрнутом ящике, руки по локоть в засохшей крови, в ушах всё ещё звенит от криков и взрывов. Рядом — Наяна, бледная, трясущаяся, но живая, она помогала перетаскивать раненых, зажимать раны, делала всё, что я ей приказывала, и не отходила от меня всю ночь.

— Ты как? — спрашиваю её.

— Живая, — пытается улыбнуться она. — Благодаря тебе.

Пожилой лекарь подходит к нам, снимает очки, устало трёт переносицу, достаёт из-за пазухи потемневший бронзовый портсигар и с видимым удовольствием закуривает. Лицо его серое от усталости, на щеках, как и на пальцах, видны следы чужой крови, но глаза внимательные, цепкие и живые, блестят, как у молодого.

— А ты молодец, — говорит он. — Не растерялась. Уже бывала на полях сражений?

— Впервые, — отвечаю честно.

Он хмыкает, протягивает руку:

— Мартин. Мартин Грейц.

— Мойра, — пожимаю его крепкую ладонь. — Мойра Сетт.

— Вы ехали в северный эшелон? — он кивает в сторону обоза, где испуганно жмутся друг к другу оставшиеся женщины.

— Да.

— Не доедете, — Мартин усмехается, и в этой усмешке сквозит усталость, ирония и что-то похожее на облегчение. — Мне сюда, в лазарет, давно обещали второго лекаря. Всё никак не присылали: то некого, то не до того. А сегодня я его нашёл.

Он затягивается, выпускает дым, глядя на меня:

— Точнее, её.

Открываю рот, чтобы что-то сказать, но он поднимает руку:

— Я видел тебя в деле: руки опытные, голова холодная, под огнём не паникуешь, мне именно такая помощница и нужна, — он надевает очки, поправляет сумку на плече. — Так что, Мойра Сетт, добро пожаловать в полевой госпиталь при Эрдвейне, если согласишься. Ну, и поздравляю с успешно пройденным боевым испытанием!

Смотрю на свои руки, бурые от засохшей крови, с обломанными ногтями, с содранной на костяшках кожей, и говорю:

— Спасибо. Я рада, что смогла помочь.

И это правда.

«Новая жизнь, новое имя, новая судьба», — думаю я, опустив глаза.

Я больше не заключённая в чужих одеждах, не обманом женившая на себе дракона ведьма, не игрушка в руках мачехи, нет! Я та, кем и должна быть, — врач. «Точнее, лекарка», — снова поправляю себя и улыбаюсь.

— Ну что, согласна? Пойдёшь к нам лекаркой?

— Согласна! Но у меня одна просьба, — я смотрю на Наяну. — Её я беру с собой. Кухарка она знатная.

— А ты не промах, — хмыкает мой новый коллега. — Кухарка нам тоже нужна, наш Эдвин так готовит, что можно помереть, не дойдя до поля боя... — и он так выразительно смотрит на нас с Наяной, что мы обе по локоть в чужой крови, в грязной, пропитанной запахом войны одежде, усталые и голодные, начинаем покатываться со смеху.

Мартин тушит окурок и уходит, а вернувшись, говорит:

— Там сейчас не до вас, ищут дезертиров, но я всё уладил. Собирайтесь, поехали в лазарет!

Садимся в обоз с ранеными, я вижу того самого паренька, самого первого своего пациента в этом бою. Он устало улыбается мне, я проверяю его перевязку, меняю бинты.

«Тик-так, тик-так, — радостно стучит сердце, — мы с тобой ещё поживём!»

А мы с вами ещё почитаем, мои дорогие!

Приглашаю вас в свою уже законченную и жаркую мини-историю про ещё одного красавчика-дракона и попаданку, которая приручит этого властного мужчину!

Но в начале... в начале было предательство.

Преданная драконом

<https://litnet.com/shrt/z3gb>

ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ СТАРШЕ 18 ЛЕТ!

Читаем, влюбляемся, летаем на драконах, здесь:
<https://litnet.com/shrt/z3gb>

Глава 10. Лекарка в лазарете

Женя

Три дня на новом месте пролетают как один миг.

Лазарет при Эрдвейне — это старое здание базилики, где стоят наспех сколоченные деревянные кровати, вечно топится печь, чтобы греть воду для стирки, готовки и обмывания больных, постоянно не хватает бинтов, мазей и людей. Всюду раненые, раненые, раненые — их поток не иссякает, война пережёвывает и выплёвывает людей прямо в наши руки. И всё, что мы можем, — постараться их спасти.

— Везут со всех окрестных деревень, — пояснил мне Мартин в самый первый день. — Лекарей-то нынче не сыщешь. Крестьянам дорого ребёнка в город на учёбу отправлять, им бы хлеба на стол. Знатные не хотят мараться, что им простолюдинов лечить. Хоть ведьм с целительной магией бы до учёбы допускали, так нет же, и им нельзя на лекарей учиться, только в одном Вилантисе их ещё учат.

«В Вилантисе училась и Илана, — припоминаю я, — только целительство не было её сильной стороной. Интересно, почему сейчас так легко получается лечить? Неужто мои навыки и любовь к врачеванию дают о себе знать?»

— А какая ведьма из Вилантиса сюда поедет? Чёрт-те знает, куда всё катится. Я в таком отчаянии, уже даже императору письмо писал, просил выделить из казны средства на

обучение подающих надежды или прислать мне хоть какую ведьму с целебной магией, — и Мартин огорчённо вздохнул.

Работать с Марином приятно, чувствую себя так, будто он мой старый коллега, с которым проработали вместе не один год. Методы лечения здесь, конечно, несколько отличаются от тех, к каким я привыкла в мире технологий и гаджетов, но накладывать местный аналог гипса на переломы, сшивать раны особой зачарованной иглой и готовить отвары от лихорадки я приспособляюсь быстро.

Что уж там, я и иглу тихонько зачаровываю, когда чувствую необъяснимое, что её магия как будто иссякает. Я не знаю, как это происходит, мне, человеку науки, сложно принять и понять действие магии, но это есть.

И в условиях, в каких я оказалась, выбирать не приходится, назвалась лекаркой — лечи, делай всё, что должно, лишь бы глаза твоих пациентов не закрылись навсегда.

Кстати, о глазах... Мой первый пациент, не сводит с меня глаз, кажется, парень влюбился, но я стараюсь делать вид, что не замечаю, как блестят его глаза, когда во время обхода подхожу к нему или подбадриваю добрым словом, как он старается подольше задержать меня подле себя. Я профессионально вежлива, корректна и доброжелательна. Седрик, так его зовут, идёт на поправку и скоро уедет домой в свою деревню, к родителям, чтобы после месячного отдыха снова вернуться на поле сражения.

В некотором роде я тоже чувствую себя на поле сражения

— за чистоту и санитарию: мне отчаянно не хватает антисептиков, а от вида траурной каймы под ногтями на руках помощников из числа жителей Эрдвейна и близлежащих деревень, становится дурно.

— Молодец! — одобрительно кивает Мартин, когда я настаиваю, чтобы все, кто входит в лазарет, мыли руки на входе. — Негоже к больным заразу носить.

— Спирт я бы так не ставил, — хмыкает он, — не руки им обработают, а внутрь употребят.

Но я слежу зорко, как коршун, и всё содержимое маленького бутылка оказывается на руках, а не в глотках желающих, которых, кстати, много. Мартин даже выдаёт из заветного шкафчика под замком в своём кабинете ещё один бутылёк.

— Отличная идея, — одобряет он моё предложение прокипятить бинты. — Они нынче на вес золота. Ты где такому научилась?

— Да знахарка наша деревенская так делала, — отвечаю заученную ложь. — В деревне-то у нас откуда бинтам было взяться, тряпки кипятили с ней. Знахарка всегда говорила, что грязь — главный враг раны.

Мартин внимательно смотрит на меня, и в очередной раз кажется, что мою ложь он чует за версту. Чует, но пока молчит, потому что видит результаты: мои пациенты быстро идут на поправку, раны их почти не гноятся, заживают быстрее. К тому же я действительно стараюсь, работаю от души,

за делами и больными убегаю от мыслей, что будет дальше, живу одним днём: этот раненый, эта рана, этот шов...

Наяна обустроилась на кухне и действительно творит чудеса из скудного военного провианта, поварята её обожают, а бывший повар Эдвин, которого она мягко оттеснила от плиты, теперь ходит у неё в главных помощниках и, как мне кажется, смотрит влюблёнными глазами. Впрочем, моей подруге не до этого, она наконец-то чувствует себя нужной, старается на совесть и ни о каких Эдвинах не помышляет. Каждый вечер в конце трудного рабочего дня мы с ней пьём чай в маленькой комнатке, где живём, и она говорит, как ей повезло встретить меня.

«Как странно, — думаю я, глядя на её уставшее, но счастливое лицо, — в мирной столичной жизни ты была несчастна, а на войне среди бед, тревог и опасности обрела то, чего не было прежде, и что теперь так важно для тебя: стала честной женщиной, кухаркой, а не блудницей, что стыдится смотреть людям в глаза».

Несмотря на радость за Наяну и чувство, что я нашла своё место в этом, пока ещё непривычном для меня, мире, каждую ночь одолевают тревожные мысли. Я дико, до ужаса боюсь, что Рамон будет искать меня.

«Ребёнка не будет, ведь ты мне не истинная!» — этой фразой заканчиваются все мои короткие тревожные сны, и я просыпаюсь в холодном поту. Потом, конечно, лежу без сна и всё думаю, думаю, думаю... Как бы мне сделать так, чтобы

окончательно затеряться и всемогущий третий генерал-дракон не нашёл свою бывшую жену? Не знаю, как объяснить свои ощущения, но я чувствую, чувствую всем своим нутром, что он ищет, и не отступит, пока не найдёт. Возможно, лишь день или два отделяют меня от того, чтобы быть найденной им.

Так происходит и сегодня ночью, я снова проснулась и лежу, снедаемая тревогой, пока на соседней кровати тихо посапывает Наяна. «Дитя, ты обязательно появишься... — шепчу я своему ещё не родившемуся ребёнку, — я сделаю всё и даже больше, чтобы нас не нашёл тот, кому не следует».

Я лежу и думаю, думаю, думаю. Кажется, от напряжения вот-вот лопнет голова.

«Мне нужно поговорить с Мартином, рассказать ему всё, попросить помощи, — прихожу к единственному видимому решению. — Больше тянуть нельзя, моя жизнь и жизнь моего ребёнка висят на волоске».

— Мойра, завтра я отправлю списки, — сказал мне сегодня в конце смены пожилой лекарь, — и тебя официально прикрепят к нашему лазарету. Сегодня раненых меньше, сяду вечером, составлю отчёт и займусь документами, твоими и Наяны. Не удивлюсь, если со всей этой неразберихой ты всё ещё числишься в северном эшелоне или вообще дезертировавшей, или пропавшей без вести.

«Я бы очень хотела пропасть без вести», — подумала я тогда, но промолчала: язык будто прилип к небу, не смогла вымолвить ни слова, лишь коротко кивнула.

«Сегодня же поговорю с ним», — решаюсь я.

Уснуть так и не получается. Собираюсь с духом и прихожу на работу пораньше, затемно, ещё даже петухи не пропели. Не могу усидеть дома, такая во мне плещется решительность. Подбираю слова, думаю, как бы начать диалог с Мартином, но коллеги нигде нет. Стучу в дверь импровизированного кабинета, на деле же бывшего чулана, не обнаруживаю лекаря и там.

«Что-то не так», — внутри растёт предчувствие беды, и я быстро иду к небольшому домику лекаря, что находится неподалёку.

— Не входи, я заболел... — слышу, как надрывно кашляет ещё вчера здоровый мужчина.

— Нет уж, — я обвязываю лицо платком на манер маски и открываю дверь.

— Уходи, — слабо машет рукой Мартин, — не то ребёнка выкинешь, о себе подумай.

«Всё-таки догадался», — шурюсь я.

— Уже подумала, — тихо говорю и подхожу, чтобы осмотреть его.

Беглого осмотра достаточно, чтобы понять: это могильная хворь.

«Наяна болела дня три к тому моменту, как я излечила её, и то не была так плоха. Кашель был не такой сипящий и надрывный и серого налёта на губах не было... Почему Мартин так быстро слёг и буквально сгорает заживо?»

Кажется, что это какая-то другая могильная хворь, более сильная, опасная, как новый штамм гриппа, который каждый год, кажется, сильнее предыдущего.

— Уйди, — хрипит Мартин, когда я склоняюсь над ним с миской холодной воды. — Заразишься. Ребёнка погубишь.

Я замираю, а потом смачиваю бинты в холодной воде и накладываю ему на лоб: «Но как ты понял, я ведь здесь всего три дня...»

— Ты думала, я не замечу? — он будто прочитал мои мысли, пытается усмехнуться, но усмешка переходит в кашель. — Сорок лет лечу людей, девочка. Я видел, как ты прикрываешь живот, как тебя мутит по утрам, как ты вздрагиваешь от резких звуков. Тот, кто тебя обрюхатил, на фронте?

— Нет, — качаю головой. — Он... далеко.

— И не знает?

— Знает, но ребёнок ему не нужен, — от этих слов неожиданно больно, но я заталкиваю эту боль куда глубже: сейчас другие проблемы.

Мартин смотрит на меня долго, пристально, даже находит силы покачать головой.

— Бывают такие нелюди, не с тем связалась, девочка... Обычное дело. Но ты уйди, оставь старика, я пожил своё, а тебе ещё рожать и растить.

— Нет! — говорю твёрдо. — Я вас не брошу, вылечу.

— Ты лекарка, — говорит он тихо, — а мне нужна ведьма с магией. Думаешь, я не понимаю, что это могильная хворь,

да причём сильная, новая, — и он снова заходится кашлем.

— Я не просто лекарка, — говорю я. — Отставить упаднические настроения, больной!

Мартин прищуривается, но молчит, грудь его тяжело со свистом вздымается.

— Возможно, вам будет неприятно, — расстёгиваю пропитавшуюся потом и испариной рубашку и кладу руки ему на грудную клетку.

Закрываю глаза, тянусь к магии. Тёплый огонёк под рёбрами кажется только и ждал, когда я призову его, и послушно бежит по рукам к самым кончикам пальцев. Лекарское зрение включается уже на автопилоте, так, будто я пользуюсь им всю жизнь, родилась с этим даром. Мир меняется, и я вижу потоки жизненной энергии в теле Мартина, слабые, тусклые, почти угасшие под густой липкой чернотой, она оплела его лёгкие, душит, не даёт дышать, почти так же было и у Наяны.

«Выжигай», — командуют инстинкты.

И я выжигаю.

Магия течёт через руки, золотистый свет вспыхивает под ладонями. Мартин стонет, но лежит ровно, держится за деревянное изголовье, а я продолжаю направлять поток. Чувствую, как болезнь сопротивляется, цепляется за плоть, не хочет уходить.

Но я сильнее.

Я — врач со стажем, работала в две смены в Ковид, я — ведьма с магией исцеления, я — женщина, которая не поз-

волит смерти забрать своего напарника и просто хорошего человека, который на протяжении многих лет спасал чужие жизни.

«Не дам, не позволю!» — напрягаюсь, делаю поток чуть сильнее, балансирую на грани и... чернота съёживается и исчезает. На её место приходит чистота, а потом я играючи, так будто делала это много раз, соединяю разорванные, изъеденные мерзкой болячкой жизненные каналы.

Я отнимаю руки, меня шатает, в глазах темнеет, но успеваю увидеть: Мартин дышит ровно, глубоко, без хрипов и свиста. Он прикрывает глаза и спит, словно дитя.

«Вдох-выдох, вдох-выдох, тик-так, тик-так!» — внутри меня такое ликование, что усталость и упадок сил мне нипочём.

Нахожу целебные травы в кухонном шкафу и варю особый, придающий сил отвар.

«Господи, я бы отдала всё что угодно за стакан хорошего американо», — думаю я, вдыхая густой травяной запах отвара.

Где-то кричит петух, я выглядываю в окно и вижу золотистый рассвет. Выпиваю отвар, глядя на Мартина, с удовлетворением отмечаю, что щёки пациента порозовели, и выглядит он гораздо здоровее, чем когда я вошла в дом. Обтираю ему лицо и ухожу в лазарет, снимаю всю одежду с себя и засовываю в отдельный чан с кипятком, насыпаю тёртое мыло и размешиваю — пусть хорошенько продезинфициру-

ется. У меня тут больные, зараза не нужна.

Моюсь в небольшой деревянной лохани, затем надеваю второй рабочий комплект одежды, тот самый с оборванным подолом, от которого отрывала в бою кусок ткани, чтобы остановить кровь из рассечённой брови Наяны. Снова думаю, что надо бы зашить порванный подол, не то распустится, и конечно же снова у меня нет времени на это: уже светло, пора на обход. Сегодня я одна, Мартин пусть выздоравливает.

Всем говорю, что сиру Грейцу нездоровится, но не уточняю почему: не надо никому знать, паника тут не нужна.

На обходе обнаруживаю двух заболевших — они в отдельной комнате для тяжёлых, прибыли вчера вечером и тоже очень плохи, едва дышат. Это пациенты Мартина, теперь понятно, откуда могильная хворь у него. Я излечиваю и их, а потом отдаю распоряжение тщательно выдраить весь лазарет и не жалеть мыла и спирта после. Сама наравне со всеми тру полы, лично убираю самую опасную комнату, несколько не боясь заразы: внутри меня стойкое чувство, что меня эта хворь не возьмёт.

На улице тепло, и окна мы раскрываем настежь. «Надеюсь, могильной хворью больше никто не заболеет. Я сделала всё, что можно, чтобы предотвратить эпидемию». Делаю ещё один обход, убеждаюсь, что больных опасной заразой больше нет.

Уже далеко за полдень, когда я наконец-то добираюсь до

Наяны и, коротко рассказав ей о случившемся, быстро и жадно ем. После беру горячий куриный бульон и ломти свежего хлеба и иду к Марину.

Он лежит с открытыми глазами и что-то пишет на пергаменте. Кружка с отваром пустая, лицо у него чистое и здоровое.

— Я принесла бульон и хлеб, — говорю как ни в чём не бывало. — Жара нет?

— Я здоров, — улыбается он, как видишь, уже могу сидеть и даже ворчать. И поблагодарить тебя за своё спасение, уж и не думал, что выживу. Спасибо... — он взглядывает на меня, — Мойра. Если ты действительно Мойра Сетт.

Я делаю вид, что не понимаю его намёка, хоть внутри всё и вздрагивает, наливаю ему бульон в большую глиняную кружку:

— Бульон и хлеб, ешь и пей, сам знаешь, — незаметно для себя перехожу на «ты». — Ой, сами знаете.

— Давай без церемоний, — он отхлёбывает бульон с видимым наслаждением, — ты спасла мне жизнь. Есть ещё заболевшие? Думаю, я подцепил хворь от тех двоих из особой комнаты. У меня были подозрения, поэтому поместил их отдельно, думал, утром ещё проверю, но к утру чуть сам не помер.

— Да, от тех двоих, — я наливаю бульон и себе, сажусь рядом. — Я... исцелила их, продезинфи... перестирала все тряпки в лазарете, там отмыли всё, я самолично взяла твои

запасы спирта и протёрла всё, что можно.

— А как те двое? — тон Мартина профессиональный, сухой.

— Поправляются. Думаю, завтра будут на ногах.

— Ну а теперь расскажи мне, как тебе всё это удалось? — он сверлит меня взглядом.

— Что — всё? — не так я хотела начать важный для меня разговор и попросить Мартина о помощи.

— Не притворяйся дурочкой, Мойра. Или как тебя там на самом деле зовут?

Молчу. Руки нервно поправляют невидимые складки на платье.

— Могильная хворь так просто не лечится, — продолжает он. — Уж я знаю, видел. Никто не выживал, если их не лечила ведьма. Пусть я был в жару, пусть бредил, но чувствовал, как что-то горячее будто... выжигало болезнь изнутри, — он смотрит на меня острым взглядом. — Ты не просто лекарка, ты — ведьма с особым целительным даром. И явно не из простых.

— С чего ты взял?

— Девочка, я наблюдал за тобой. Ты знаешь вещи, которых не может знать никакая деревенская знахарка. Ты работаешь так, будто училась у лучших врачей столицы, а уж лекарка из... гхх-х-хм, — он выразительно смотрит на меня, — квартала удовольствий в Антасе явно не могла позволить себе такую учёбу. Ты спасла мне жизнь такой магией, кото-

рой, по слухам, владеют совсем немногие ведьмы, — откидывается на подушку. — Так кто ты?

Смотрю на него, и в голову приходит шальная мысль: «А может, сказать, что я из другого мира? Что тоже была врачом? Нет, — смотрю на зачарованное перо в его руке. — Слишком много для одного раза. Но кое-что сказать я могу».

Он пристально, выжидающе смотрит мне в лицо, и я решаюсь:

— Илана. Меня зовут Илана Вален, и я ведьма. А ещё — бывшая жена третьего генерал-дракона Рамона Делейни. Меня принудили подделать метку истинности, чтобы выйти за него замуж. Обман вскрылся, и теперь моя жизнь и жизнь моего ребёнка висят на волоске. Чудом я ускользнула от него и кровавых пыток, которые он пообещал устроить. Но я... чувствую, он идёт по следу.

Мартин шумно вдыхает и качает головой, а я продолжаю, не в силах остановиться:

— Молю тебя, Мартин Грейц, помоги мне, спрячь от ирода, что хочет погубить собственное дитя. Прошу не за себя, за ребёнка, что в моём чреве, спаси меня, как я спасла тебя!

Воцаряется такая тишина, что слышно, как кудахчут куры в соседском курятнике.

— Илана Вален, — Мартин будто пробует моё имя на вкус. — Как ты смотришь на то, чтобы умереть?

Глава 11. Умереть, чтобы жить

Илана

— Умереть? — переспрашиваю, не веря своим ушам.

— Именно, — Мартин улыбается, и добрые морщинки-лучики разбегаются от уголков глаз. — Если третий генерал-дракон разыскивает тебя, то остановить его может только твоя смерть.

Смотрю на него, пытаюсь понять, не шутит ли он, но не похоже на то: глаза за стёклами очков абсолютно серьёзные.

— Думаю, тебя уже ищут по всем частям, — продолжает он, отхлёбывая бульон. — Обоз наверняка добрался до северных войск, даже со всей военной неразберихой начнут расследовать твою пропажу и докопаются, где ты могла осесть. Да и я, как главный лекарь здешнего лазарета, обязан подать тебя в списках.

«Списки... — холодеет внутри. — Конечно. Бюрократия, она и в другом мире бюрократия».

— А можешь не подавать? — сама понимаю, как наивно, по-детски звучит вопрос.

— Не могу, — Мартин качает головой. — Ищейки придут по следу, это лишь вопрос времени, а нужно чтобы мне и моему заключению о твоей смерти поверили.

— А бежать...

— Бежать тебе больше некуда: везде найдут.

— И то верно... — сжимаю руки в кулаки. — Некуда.

Невольно вспоминается Эстер и её угрозы. Неизвестно, не ищет ли меня вместе с Рамоном ещё человек от этого неведомого, но опасного маркиза Фонтейна. Я уже ничему не удивлюсь.

Мартин прав, бежать некуда, прятаться негде, и с каждым днём Рамон всё ближе. Я чувствую это, будто невидимая нить натягивается между нами, го

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.